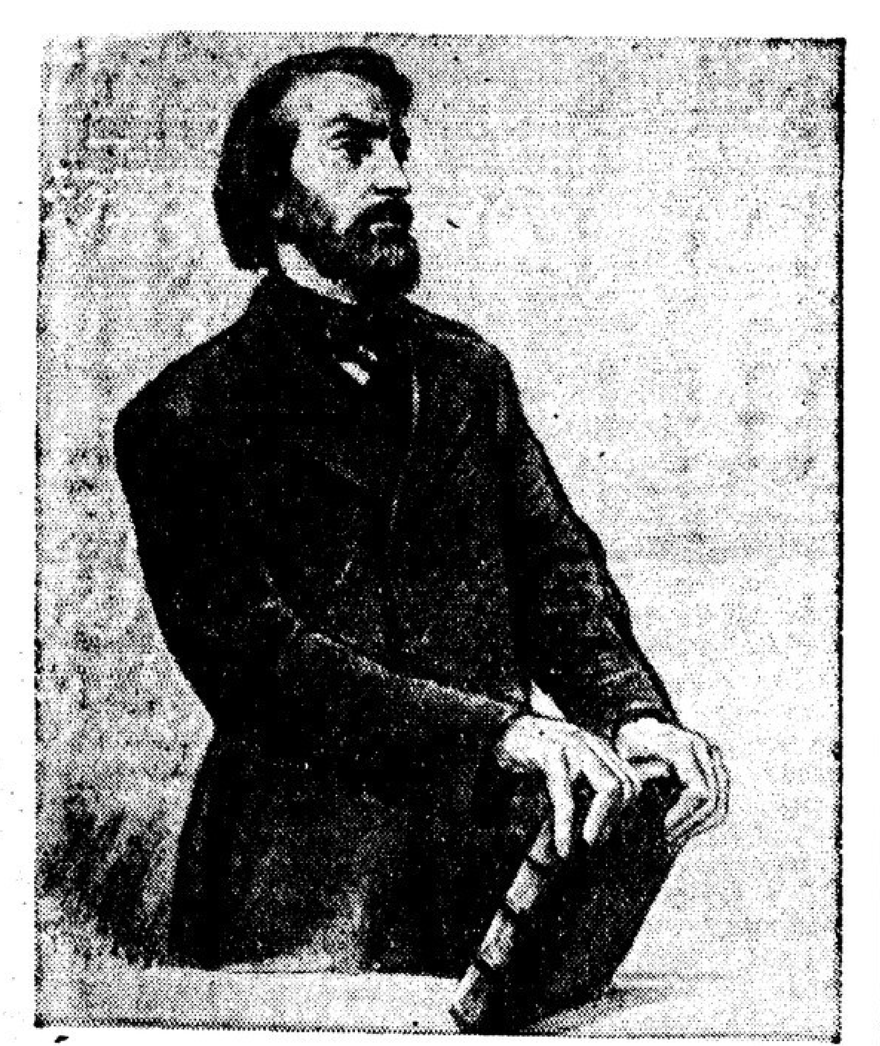
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 45 (2428) Суббота, 5 июня 1948 г. Цена 40 коп.

ЗАВИДУЕМ ВНУКАМ И ПРАВНУКАМ НАШИМ, КОТОРЫМ СУЖДЕНО ВИДЕТЬ РОССИЮ В 1940 ГОДУ, СТОЯЩУЮ ВО ГЛАВЕ ОБРАЗОВАННОГО МИРА, ДАЮЩЕЮ ЗАКОНЫ И НАУКЕ И ИСКУССТВУ, И ПРИНИМАЮЩЕЮ БЛАГОГОВЕЙНУЮ ДАНЬ УВАЖЕНИЯ ОТ ВСЕГО ПРОСВЕЩЕННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА...

— В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Белинский

Неисчислимы сокровища культурного и художественного наследия народов нашей страны. Многие национальности, входящие в Советский Союз, за долгие века своего развития подарили человечеству гениев, и память об этих великих сынах своих народов благодарно хранят и торжественно чествуют все советские люди. В ряду славных имен имя Белинского, благороднейшего и прекраснейшего из русских мыслителей прошлого, особенно дорого и близко не только русскому народу, но и всем народам советского государства.

Белинский был гениальным основоположником той исторической и критической школы в русской литературе, которая, по словам Энгельса, «стоит бесконечно выше того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой».

В лице Белинского русская общественная мысль составила новый, несравненно более высокий этап в развитии всей мировой до-марксистской философии.

Славный путь идейного развития Белинского, его умение решительно побеждать собственные заблуждения и ошибки—яркое свидетельство талантливости русского народа, его неизбывных творческих сил, его неостановимого стремления к переустройству жизни на новых, справедливых началах.

Общественные и литературные взгляды великого критика были порождены самими условиями современной ему России, неуклонно возраставшим стихийным возмущением народных масс против самодержавия и крепостничества.

Борьба с крепостным правом и произволом самодержавия была всепоглощающим делом жизни Белинского, этому делу он отдал все свои силы, редкие качества своего ума и характера. Он

знал одной лишь думы власть,—
Одну — но пламенную страсть...

и этой страстью, пафосом его творчества была высокая идея служения родине, народу. В своих трудах Белинский блестяще, с неопровержимой логикой доказал национальное своеобразие родного народа, выразил твердую уверенность в том, что «мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль», и гениально предсказал будущую ведущую роль России в исторических судьбах человечества. Его гениальное предсказание это не имело ничего общего ни с мистическими пророчествами идеологов типа Достоевского, ни с шовинистическими утопиями славянофилов, — это было предвидение революционера и патриота.

Социализм Белинского был утопическим, но гениальный мыслитель первый прямо связал вопрос о социализме с идеей революционного преобразования общества.

Все творчество неистового Виссариона — страстный призыв к национальной чести народа. Он настойчиво внушал народу веру в собственные силы и в будущее предназначение. И поэтому его поиски правильной революционной теории сопровождались неустанной борьбой со славянофильством и космополитизмом, этими внешне столь различными течениями, но столь сходными по результатам, поскольку оба являлись тормозом на пути осуществления патриотической мечты революционера-демократа. Разоблачительная сила его гневной, негодующей характеристики космополитизма сохранилась до сих пор, как грозное оружие, в борьбе с пережитками низкопоклонства перед буржуазной культурой.

Белинский был первым, глубоко понявшим и оценившим общественное значение литературы, ее учительную роль. Он стал ее организатором и руководителем, заботливо помогающим ее правильному росту и развитию. Счастливое соединение в его лице проникновенного эстетического таланта с бурлящей и ищущей мыслью философа-революционера позволило ему сразу же занять командующий пост в литературе. И он первым указал русской литературе истинное направление ее развития. То, что до Белинского только угадывалось русской литературой, под его пером обрело форму непреложной истины—он стал сознательным глашатаем реалистического, общественно направленного, высокоидейного искусства.

Под знаменем Белинского, которое еще более высоко подняли Чернышевский и Добролюбов, русская литература наливалась зрелостью и силой, по праву стала ведущей, наиболее демократической и подлинно художественной, мудрой литературой мира.

Великие традиции литературной критики Белинского, развитые Чернышевским и Добролюбовым, нашли себе защиту в трудах Плеханова и были критически переработаны и развиты марксистской литературной критикой, явившейся качественно новым этапом в науке о литературе. Ленин и Сталин научно разработали и обосновали новые традиции литературы социалистической.

Ленинский принцип партийности литературы, сформулированный им еще в 1905 году в известной статье «Партийная организация и партийная литература», стал основным принципом, на котором базируется развитие советской литературы. Сталинская формула социалистического реализма, партийные указания о литературе и искусстве, со всей ясностью утвердившие роль литературы в социалистическом обществе, недосягаемо высоко подняли воспитательное значение литературы! От простой верности жизненной правде, от разоблачения темных сторон действительности и участия в борьбе за освобождение народа, которых требовал Белинский, художественная литература в социалистическом обществе поднялась на новую ступень служения победившему народу и должна силой большевистской мечты помочь народу заглянуть в его завтрашний день, осветить ему путь вперед к коммунизму.

Наша литература является прямой наследницей «лучших традиций русской литературы XIX века, традиций, созданных нашими великими революционными демократами — Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, Салтыковым-Щедриным...» (А. А. Жданов).

Советский народ чтит память великого революционера-демократа с полным сознанием того, как много содействовали его понятия и мысли развитию и славе родного искусства. Память о неистовом Виссарионе будет непреходящей, и вечной будет любовь народа к нему.

Донбасс-победитель!

Юрий НАГИБИН

Осенний ветер гнал тучи темного, колкого праха по лицу разоренной донецкой земли. На месте железобетонных, каменных и кирпичных громад торчали обгорелые остовы стен. Всесоюзная кочегарка лежала в развалинах...

Разрушены были сотни заводов, фабрик, электростанций. А шахты, знаменитые шахты, названия которых знали наперечет все советские люди! Над брошенными выработками стояла горькая тишина кладбища. Сравнены с землей надшахтные постройки, раскиданы взрывом останки копров, подорваны и разбиты под'емники, вентиляторы, компрессоры, сброшены в глубь стволов электровозы, вагонетки, под'емные клети...

Но наибольшее из всех бедствий укрылось от глаз, притаилось глубоко под землей. Вода! Если швырнуть большой камень вниз, в бездну ствола, — звука падения не услышишь. Вода затопила подземные выработки. Тянет оттуда затхлым духом, и белые наросты плесени уже покрывают подгнивающий от сырости сруб...

Это ни с чем несравнимое бедствие и привело сюда двадцативосьмилетнего инженера Н. Н. Игнатова, руководителя группы по откачке шахт Донбасса. С Игнатовым приехали крупные специалисты — Н. Н. Чернявкин, А. Т. Картозия и Д. Н. Каминский.

Дело предстояло исключительно трудное. Во Франции после первой мировой войны для осушения затопленных рудников Северного и Па-де-Кале потребовалось целых десять лет. Три года технической подготовки и семь лет откачки. Там под землей скопилось сто десять миллионов кубометров воды. А здесь, на шахтах Донбасса,—двести пятьдесят миллионов! Собранные воедино, подземные воды Донбасса могли бы образовать озеро величиной с Селигер. По французскому счету для осушения Донбасса потребовалось бы никак не менее двух десятилетий.

Нет, французский опыт, отлично известный группе советских инженеров, явно не подходил для данного случая. Ведь за неполных три пятилетки мы создали всю нашу великую социалистическую индустрию! Нужно было осушить Донбасс с помощью нашей передовой техники.

Приехав на место, группа организовала своего рода технический штаб по борьбе с водой, в состав которого вошли и местные специалисты: руководитель лаборатории Донецкого индустриального института доцент В. Г. Гейер и главные механики М. С. Малыгин, В. Д. Прохоров, В. А. Коружий, Б. Я. Седов, В. А. Мартынов. Конечно, это был лишь передовой отряд борцов с водой. Откачка воды, преградившей горнякам дорогу к углю, стала первой и самой важной задачей всех восстановителей Донбасса.

Вода находилась под землей, на глубине от 200 до 700 метров. Разрушенные и заваленные стволы, отсутствие копров затрудняли доступ к воде; в штольнях и стволах происходило выделение газов.

Таковы были «условия местности», где предстояла битва за осушение трехсот крупных угольных шахт.

Не прошло и полугода с начала работ, как первоначальная «наличная техника» стала далеким, полузабытым воспоминанием. На ее основе стала вырастать новая, небывалая техника откачки воды: своеобразные насосные агрегаты, каких еще никогда не приходилось видеть ни одному горняку; система труб, использующая принцип раздвижной трубы телескопа — блестящее по лаконизму и красоте решение, найденное инженером В. А. Мартыновым; лебедки, которые при помощи особого приспособления обрели двойную грузопод'емность.

Но это было только начальный этап технического творчества. Когда он был завершен, наступление против воды пошло широким фронтом; насосные агрегаты — плод изобретательности инженеров-осушителей—стали ежечасно выбрасывать из глубины на поверхность до ста тысяч кубометров мутной воды...

Для каждой шахты надо было создать, изобрести особо хитроумные способы, чтобы добраться до воды.

В большем или меньшем масштабе, но изобретали буквально все. Грань между личным и общим постепенно стерлась. Брошенная кем-либо верная мысль тотчас же подхватывалась другими. И уже невозможно было вспомнить теперь: кто же бросил на плодоносную почву зерно первой мысли?

Все жили одной заботой: как бы скорее пробиться к углю, которого ждет страна.

Вода уходила. И все же она уходила гораздо медленнее, чем этого хотелось людям. В наиболее ответственные дни, когда решалась судьба той или иной шахты, люди не спали целыми сутками, многих чуть ли не силой приходилось отправлять домой.

Для больших глубин был разработан «ступенчатый» метод откачки. Насосы выбрасывали воду не на поверхность земли, а на промежуточный горизонт, оттуда стационарный насос подавал ее выше.

Целый этап борьбы связан с применением так называемого «эрлифта». Инженер Игнатов, совместно с доцентом Гейером, приспособил насос для откачки шахт с малым сечением ствола и с обвалившимися стенками. Это была смелая мысль: «эрлифт», работающий сжатым воздухом или газом, до сих пор применялся только для откачки нефти и технических жидкостей. Идея оказалась плодотворной. При помощи «эрлифта» удалось в короткий срок откачать одну из крупнейших шахт—имени Ворошилова, где об'ем воды достигал миллиона кубометров.

Упорно не давалась осушителям шахта «Щегловка» треста «Красногвардейскуголь». Мешала пробка из обвалившейся породы. Пустили в ход «эрлифты». Захлебываясь от напряжения, выбрасывали они воду на поверхность, но справиться с большим притоком воды было им не под силу. Тут требовался новый способ, — и он был найден. Инженеры применили «гидроэлеватор».

При откачке небольших шахт, когда насосы отсутствовали, когда их починка и сборка требовали много времени, применялись другие способы. По предложению главного механика комбината «Сталинуголь» инженера Хоружего, шахта 17—17-бис была откачена при помощи «ящика-скипа». В днище был устроен клапан, открывающийся при погружении ящика в воду и закрывающийся при наполнении водой. Этот самозагружающийся ящик выбрасывал на поверхность 50 кубометров воды в час.

Но в пылу борьбы с водой «осушители» не забывали и об общей задаче восстановления шахт. Главный механик «Ворошиловградугля» инженер Б. Я. Седов разработал схему, позволяющую вести откачку одновременно с производством восстановительных работ.

Используя все многообразие методов и вновь приобретенный опыт, инженеры стали готовиться к решительному наступлению: к откачке воды из целых подземных озер.

Наибольшим из всех было озеро Енакиево-Горловской группы шахт об'емом в двадцать миллионов кубометров. Только в 1945 году почувствовали борцы с водой достаточно силы и уверенности, чтобы дать врагу бой на самом тяжелом участке. Особая трудность заключалась в том, что откачку воды надо было вести, понижая уровень ее во всех шахтах одновременно.

Инженерный коллектив, во главе с А. Т. Картозия и Д. Н. Каминским разработал грандиозную схему скоростной откачки, об'единившую все многообразные способы в единую, цельную систему. Водоотливные установки, преодолевая глубину в несколько сот метров, за пять месяцев откачали гигантский об'ем воды и освободили ряд крупнейших шахт, где добывается коксующийся уголь.

Более четырех лет миновало с той поры, как инициативная группа возглавила борьбу за осушение угольных разработок. За это время было откачено с учетом постоянного притока воды в шахты 570 миллионов кубометров воды и полностью осушены 227 шахт. Французы затратили десять лет, чтобы откачать 110 миллионов кубометров. А советские люди в пять раз больший об'ем воды откачали за четыре года!

Это оказалось возможным не только благодаря творческой смелости и волевому напору советских инженеров. За инженером Игнатовым, возглавлявшим борьбу с водой, стояла не только талантливая группа его ближайших помощников, не только большой коллектив инженерно-технических работников, но и весь Донбасс, вся масса донецких горняков. Борьба с водой стала общим делом десятков тысяч людей. Стахановский труд шахтеров Донбасса помогал осуществить замыслы новаторов техники.

Сталинская премия увенчала героический труд и замечательное техническое новаторство донецких инженеров, горняков, механиков и конструкторов-машиностроителей. Их победа—это победа всего Донбасса.

ШЕЛКОВАЯ БУМАГА

Много ли сортов бумаги известны людям, которые пишут и читают? Нет, немного... Писчая, печатная, бювварная, курительная — вот, пожалуй, и все. Но те, кто заняты производством бумаги, знают еще множество сортов технических бумаг. Они могут сделать бумагу водопроницаемой или легко фильтрующей, огнестойкой или легко сгорающей, прозрачной или светонепроницаемой... В автомобилях, самолетах, в строительной технике, в сложнейшем современном приборостроении — всюду применяются детали, сделанные из особых сортов бумаги или картона.

Есть тонкая, мягкая, как вата, шелковистая бумага. Из нее делают восковки для множительных аппаратов — ротаторов. Она же идет на изготовление мягкого слюдяного изоляционного материала для деталей электрических машин. Эта бумага известна под названием «шелковки».

Шелковка состоит из равномерно переплетенных между собою волокон, длина которых доходит до 5 миллиметров. Обычная же бумага имеет длину волокна меньше миллиметра. Именно это и делает тонкую шелковку особенно прочной, хорошо растяжимой и мягкой.

Япония в течение долгого времени была монополистом производства длинноволокнистых бумаг. Этому помогла природа страны: там есть сырье, дающее длинные и тонкие волокна, — растения кодзу, гампи и митсумата. Веками накопляя нужные навыки и ревностно сохраняя секреты ремесла, прадедовским способом изготовляли бумагу-шелковку японские кустари.

Многочисленные попытки ученых и инженеров всего мира изготовить длинноволокнистую бумагу обычными приемами современного бумажного производства не имели успеха. Известный немецкий авторитет по производству бумаги — Гофер утверждал в печати, что изготовить бумагу, заменяющую «японскую шелковку», невозможно.

Но советские изобретатели М. В. Бондаренко и М. Д. Дмитриев думали не о невозможности, а о необходимости создать свою советскую шелковку, чтобы освободиться от импорта!

Они изменили самый принцип технологии производства шелковистой бумаги и сконструировали новый тип бумагоделательной машины. Так возник новый, названный «сухим», способ производства длинноволокнистых бумаг. Сырьем для них служит высококачественный хлопок Советского Узбекистана.

Изобретатели совместили принципы технологии текстильного и бумажного производства. Новый технологический прием позволил начать успешную конкуренцию с японской длинноволокнистой бумагой. Первая машина изобретателей была установлена еще в 1934 году в Ленинграде. На ней были проделаны многочисленные эксперименты для уточнения технологического режима «сухого» способа. Испытывались разные сорта хлопка, разные сорта клеев, проверялись детали конструкции, выяснялись новые области применения длинноволокнистых бумаг. В конце концов было налажено производство ротаторной шелковки. Два года упорной работы над усовершенствованием конструкции машины позволили в результате создать и необходимые для электропромышленности сорта бумаги. На Кондровской фабрике была установлена вторая, усовершенствованная машина. В 1940 году изобретатели осуществили свою идею, дав заводу «Электросила» первую партию советской микалентной бумаги. По ряду качественных показателей она оказалась лучше японской.

Длинноволокнистая бумага по характеру волокна и по своим техническим свойствам занимает промежуточное положение между бумагой и тканью. Это открывает широкие перспективы ее применения вместо различных технических и потребительских тканей. В этом направлении за последние годы проведено уже много опытов. Доказано, что длинноволокнистая бумага может быть использована, как основа для изготовления особо прочной чертежной кальки, переплетного дерматина и гранитоля, столовой и медицинской клеенки, искусственной кожи, накладного полотна и других изделий.

Замена тканей длинноволокнистой бумагой сулит большие экономические преимущества. Чтобы получить ткань из хлопка, требуется до 22 отдельных технологических операций. А для получения из этого же хлопка длинноволокнистой бумаги достаточно 5—6 операций.

В годы Великой Отечественной войны молодое производство длинноволокнистых бумаг помогло решить важнейшие практические задачи. В условиях ленинградской блокады на машине М. В. Бондаренко и М. Д. Дмитриева было срочно налажено изготовление бумаги, в которой остро нуждалась электропромышленность осажденного города-героя.

Немецкие захватчики разорили Кондровскую бумажную фабрику. Но вторая машина Бондаренко и Дмитриева была своевременно эвакуирована и установлена на одной из московских фабрик. Здесь она работала бесперебойно. Ее продукция помогла быстро восстановить генераторы электростанций Брянска, Харькова и других городов, освобожденных Советской Армией от фашистских захватчиков.

После победоносного окончания войны предложение М. В. Бондаренко и М. Д. Дмитриева вновь стало темой исследовательских работ Института бумаги. Научное инженерно-техническое общество бумажников помогло изобретателям консультацией и постановкой экспериментов. В 1946 году новая фабрика для производства длинноволокнистых бумаг была пущена в эксплоатацию. Подготовка оборудования, обучение кадров, пуск и наладка машин происходили при личном участии изобретателей. Недавно Министерством целлюлозной и бумажной промышленности разработан проект новой, значительно более мощной фабрики длинноволокнистой бумаги.

Почетное звание лауреата Сталинской премии — заслуженная награда изобретателям тт. М. В. Бондаренко и М. Д. Дмитриеву.

Д. АЛЕКСЕЕВ, ученый секретарь ВНИТО бумажников

Г. ОВСЯНКИН, инженер

Честь и слава новаторам

В горячей и вдохновенной речи, посвященной Карлу Марксу, его друг и соратник Фридрих Энгельс сказал:

«Какую бы чистую радость ни доставляло ему каждое новое открытие в какой-либо теоретической науке, открытие, о практическом применении которого подчас не было еще и речи, — совсем другую радость испытывал он тогда, когда дело касалось открытия, сразу оказывающего революционное воздействие на промышленность...»

Вслед за целым рядом блестящих открытий в теоретической науке, осуществленных старыми и молодыми учеными советской страны и удостоенных Сталинских премий, ныне высоким признанием увенчаны десятки открытий, изобретений и усовершенствований, оказавших в 1947 году свое революционное воздействие на промышленность.

Около двадцати лет назад лучший, талантливейший поэт нашей советской эпохи Владимир Маяковский требовал:

Мы
прославляли
художников и артистов...
А к технике
внимание
видать ли?
На первое
такое же
место выставь
рабочих,
техников,
изобретателей!

Это время наступило! В советской стране одинаково прославлены и труд и искусство. В почетном списке лауреатов Сталинских премий за 1947 год — писатель Павленко и рабочий Харитонов, художник Серов и мастер Российской, скульптор Томский и академик Греков, артистка Байсеитова и инженер Чередниченко.

Социалистический строй открыл в нашей стране все возможности для массового творчества. С каждой пятилеткой, с каждым годом и месяцем поднимается на новые ступени прогресса советское государство, где техника освобождена от рабских пут, где хозяином каждого открытия является народ. В 1916 году Ленин в своей классической работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» рассказал об американском изобретателе Оуэнсе, который изготовил машину, произведшую революцию в выделке бутылок. Как только стало известно об этом изобретении, немецкий картель бутылочных фабрикантов скупил патенты Оуэнса и спрятал их, ликвидировав тем самым возможность применения изобретения, двигавшего вперед технический прогресс. Факт, описанный Лениным в 1916 году, звучит, как рассказ о сегодняшнем дне трумэновской Америки и «маршаллизированных» стран Европы.

Возвращаясь однажды с Алексеем Максимовичем Горьким из Главного артиллерийского управления после испытания новоизобретенного аппарата, Владимир Ильич мечтал вслух:

— Эх, если б у нас была возможность поставить всех этих техников в условия идеальные для их работы! Через двадцать пять лет Россия была бы передовой страной мира!

Это время наступило. В нашей стране за один лишь второй год сталинской пятилетки, окруженные вниманием и заботой коммунистической партии и советского правительства, многие десятки новаторов техники — людей новых горизонтов—стали авторами выдающихся изобретений и коренных усовершенствований методов производственных работ. Новая паровая турбина высокого давления мощностью в сто тысяч киловатт. Крупные электрические машины постоянного тока. Новые пушки. Новые самолеты и тракторы. Новые методы восстановительной хирургии. Новая порода мясошерстных овец. Новый счетный аппарат — электроинтегратор. Новый танк. Новый высокопроизводительный комбайн. Новые железорудные месторождения. Новые высокоурожайные сорта зерновых культур... И, вместе с тем, новые способы восстановительных работ в Донбассе — способы, свидетельствующие о неугасимом стремлении быстрее залечить тяжелые раны, нанесенные войной. Какой широкий диапазон открытий, какой размах, какая ширь!.. «Не превосходством ли своей культуры и техники перед молодым Советским государством вчера еще кичились господа капиталисты? Но времена меняются, и даже очень круто». Так говорил тов. В. М. Молотов на Всесоюзном совещании стахановцев промышленности и транспорта в Кремле. И каждый день подтверждают эти слова: времена меняются, и даже очень круто!..

Советская страна — страна новаторов. Горячая преданность делу Ленина — Сталина, глубокий советский патриотизм порождают стремление людей творить, пробовать свои силы, выдвигать новые идеи в технике, изобретать, вносить коренные усовершенствования в методы производственных работ. Десять лет назад на приеме в Кремле работников высшей школы товарищ И. В. Сталин сказал: «Бывает и так, что новые пути науки и техники прокладывают иногда не общеизвестные в науке люди, а совершенно неизвестные в научном мире люди, простые люди, практики, новаторы дела». Яркая, многогранная советская действительность подтверждает величие сталинских слов. Десятки новых имен, ставших сейчас известными всей стране, — это имена практиков, новаторов, посвятивших свой вдохновенный труд делу возвеличения нашей Родины, делу ее укрепления, делу осуществления сталинской послевоенной пятилетки.

Присуждением Сталинских премий партия и правительство показывают пример большевистской заботы о развитии нашей техники, пример внимания к новаторам производства, рационализаторам, изобретателям. Святая обязанность командиров производства, сельского хозяйства, транспорта быстрее внедрять достижения лауреатов Сталинских премий в жизнь, распространять опыт новаторов, переносить его из одного предприятия в другое, из одного колхоза в другой. К сожалению, сохранились еще кое-где люди, которые не прочь поаплодировать лауреатам и тихой сапой провалить осуществление новаторской идеи. Огонь по подобным недостаткам, большевистская непримиримость к таким явлениям — требование дня! Идет борьба между старым и новым. Смелая большевистская критика и самокритика — движущие силы нашего развития — должны обеспечить и обеспечат победу нового в технике, в изобретательстве. Беспощадно ломать отсталость, отжившие фетиши, консерватизм — такова боевая задача, решение которой вызовет новый взлет технической мысли советских людей.

Не успокаиваться на достигнутом, итти вперед и вперед, приближая торжество коммунизма, — вот к чему зовет советская Родина своих сынов, отличившихся вчера в боях за победу технического прогресса, за завоевание первого места в мире.

Ленинград чтит память В. Г. Белинского

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Первого июня в актовом зале Ленинградского университета открылась научная сессия, посвященная столетию со дня смерти Белинского. Это было началом большой программы по ознаменованию памятной даты. Четвертого июня перед Василеостровским домом культуры состоялась торжественная закладка памятника Белинскому, а вечером того же дня в Доме литераторов имени Маяковского началось общее собрание ленинградских писателей, посвященное столетию. С докладом «Белинский и задачи советской критики» выступил профессор Л. Плоткин.

Пятого июня днем устанавливается мемориальная доска на доме, где жил Белинский (угол Невского проспекта и Фонтанки); вечером открывается научная сессия в Институте литературы (в Пушкинском доме) Академии наук СССР. Здесь будут заслушаны доклады профессора Л. Плоткина «Белинский и современность», проф. Н. Мордовченко «Пушкин, Гоголь и Лермонтов в оценке Белинского» и проф. В. Спиридонова «Новые тексты Белинского».

Большой интерес у ленинградцев вызывает выставка, посвященная жизни и деятельности Белинского, открытая в конференц-зале Института литературы (Пушкинского дома). В десяти разделах выставки показан весь жизненный и творческий путь революционера-демократа, начиная с детских лет в Чембаре и кончая последними днями Белинского в Петербурге. Среди материалов, представленных в выставочных витринах, — документы, рукописи, номера журналов, сборников, альманахов, в которых впервые публиковались произведения Белинского, первые издания его сочинений.

Мудрый друг искусства

Ко второй годовщине со дня смерти М. И. Калинина

Советские люди никогда не забудут Михаила Ивановича Калинина, великого большевика, славного ученика и соратника Ленина и Сталина, любимца народа. Один из основателей и руководителей советского государства, он оставил яркий след во всех областях нашей жизни.

Высказывания Михаила Ивановича по вопросам литературы и искусства являются образцом большевистской критики.

М. И. Калинин постоянно обращался в своих статьях и речах к примерам из литературы, он подчеркивал связь русской литературы с развитием передовой общественной мысли; особенно привлекала его внимание деятельность Белинского, Чернышевского, Добролюбова.

«Вряд ли кто-либо еще в истории русской литературы и публицистики,—писал он, — так властвовал над умами людей и столь действенно поднимал их гражданское самосознание, толкая на борьбу с самодержавием, за демократическую революцию, как Белинский, Чернышевский, Добролюбов. Да и личная жизнь их, целиком посвященная развитию русской демократии, была окружена в глазах прогрессивного общества ореолом высокой морали».

М. И. Калинин горячо любил родную литературу, чудесно знал ее. Он верил в могучую силу искусства.

Говоря об огромной роли литературы в жизни народа, Михаил Иванович всегда подчеркивал, что она является важнейшим средством коммунистического воспитания. В этом он видел главную задачу советских писателей.

«Художественная литература—это богатейшая панорама типов людей, так, по крайней мере, я думаю. В художественной литературе вы видите людские типы в бесконечно разнообразных положениях... Поэтому повышение культуры — это в первую очередь знание художественной литературы. Она больше всего обогащает человека, дает возможность (я сужу по своему опыту) расти человеку, больше понимать людей», — говорил М. И. Калинин.

Его высказывания о народности искусства, о социалистическом реализме имеют огромное значение для нашей литературы. Замечания Михаила Ивановича никогда не носили абстрактного характера; глубочайшие, исполненные большевистской мудрости теоретические положения, естественно, вытекали у него из конкретного анализа, с одной стороны, жизни, а с другой — литературы. Он обращался к писателям:

«Если хотите рисовать социализм, то не насилуйте свое воображение: у вас под руками великое множество благодарного материала...

При этом, когда вы правдиво «пишете жизнь», надо выявлять не только те черты, которые каждому бросаются в глаза, но и те черты, которые обыкновенному глазу трудно заметить. Предположим, что ваш персонаж — корявый. Рисуйте, что он — корявый. Но оттеняйте и внутренние черты, которые не столь заметны, но которые типичны для наших людей. Например, любовь к родине. Она сказывается у различных людей в самых различных формах. Надо у каждого человека найти и показать эту любовь, выразив ее не умозрительно, а конкретно».

Задача каждого советского писателя, если он хочет быть с народом, заключается в том, чтобы помогать советским людям бороться за построение коммунизма, — об этом не раз говорил М. И. Калинин.

«Социалистический реалист должен рисовать действительность, живую действительность, без прикрас. Но вместе с тем, он должен толкать своим произведением развитие человеческой мысли вперед. А тот литератор, который не ставит себе такой цели, — это полулитератор; тот артист, который не ставит себе такой цели, — это полуартист...

Итак, итти в ногу с самой передовой частью народа, то-есть с коммунистической партией,—вот как художники могут стать на практике социалистическими реалистами».

Михаил Иванович замечательно глубоко и интересно показал, как форма произведения неразрывно связана с содержанием, как обусловлена она, в конечном итоге, социальными отношениями, классовой борьбой. Он показал это на примере того, как характер капиталистического общества налагает неизгладимый след на весь, даже внешний уклад жизни буржуазных стран — на улицу, на облик городов и сел, на лица людей.

Исключительный интерес представляют его слова о Маяковском:

«Он считал себя бойцом революции и был таковым по существу своего творчества. Он стремился слить с революционным народом не только содержание, но и форму своих произведений, так что будущие историки наверняка скажут, что его произведения принадлежали великой эпохе ломки человеческих отношений».

М. И. Калинин говорит о том, что подлинно художественная форма произведений требует от писателя огромной работы мысли, напряженных переживаний и очень больших знаний. «Люди, стоящие на точке зрения формализма, или преследуют политические цели — скрывают социальные недуги, страдания трудящихся, как это делается в капиталистических странах защитниками капиталистической системы, или же они занимаются пустопорожним техническим упражнением, перебиранием четок в руках».

Подчеркивая единство формы и содержания, Михаил Иванович, вместе с тем, обращал огромное внимание на мастерство писателя. Человек огромной культуры, тонкого вкуса, он с неослабевающим вниманием следил за развитием советской литературы, радовался ее успехам и замечал все неточности, недостатки, которые встречались в произведениях наших писателей.

Необычайная чуткость к слову, тонкое знание русского языка чувствуются во всех выступлениях и статьях М. И. Калинина. Он ненавидел штампованные, трафаретные обороты речи, засоряющую русский язык иностранщину. Борьба за живую самостоятельную мысль неразрывно связана у него с борьбой за живое слово.

«...знаете, что значит говорить готовой фразой? Это значит, что ваша мысль не работает, а работает лишь язык. Готовой фразой вы впечатления на людей не произведете. Не произведете потому, что ее и без вас знают».

Он сказал как-то: «Вот если бы спросили меня, кто лучше всех знает русский язык, я бы ответил — Сталин. У него надо учиться скупости, ясности и кристальной чистоте языка. Попробуйте изложить короче какую-нибудь мысль, высказанную Сталиным!»

Высказывания М. И. Калинина по вопросам литературы и искусства ярко раскрывают его замечательные качества большевистского трибуна, критика-марксиста.

Советские писатели на страницах своих книг должны сохранить, раскрыть для многих будущих поколений советских людей живой образ Михаила Ивановича — его улыбку, взгляд, светлый ум, большое сердце большевика.

Библиография о Белинском

Научность содержания и популярность изложения — качества, далеко не всегда встречающиеся вместе. Выпущенная Библиотекой им. В. И. Ленина новая библиографическая работа о Белинском отличается обоими этими свойствами. Составители не только отобрали лучшие издания сочинений Белинского, но и ознакомили читателей с обширной литературой о великом революционере-демократе.

При этом они не ограничились перечнем наиболее ценных книг и статей, а снабдили его пространными критическими аннотациями, отмечая недостатки каждой работы и указывая читателю пути наиболее рационального их использования.

Свойственная библиографии некоторая сухость в новом справочнике совершенно отсутствует. Указатель читается, как монография о Белинском, как страницы из истории русской литературы.

Указатель состоит из девяти разделов: В. И. Ленин и И. В. Сталин о Белинском, С. М. Киров, М. И. Калинин и А. А. Жданов о великом русском демократе, даты жизни и творчества Белинского, основные издания его сочинений, основные произведения Белинского, труды об эпохе Белинского, литература о его жизни и творчестве, библиографические работы, высказывания о Белинском русских писателей, критиков и публицистов.

Весь материал этих разделов расположен в хронологическом порядке. Это дает историческую перспективу, столь необходимую при изучении творчества писателя, отдаленного от нас многими десятилетиями.

Указатель предназначается для преподавателей, лекторов, библиотекарей и широких кругов советской интеллигенции, но и литературоведы найдут немало интересного и в очерке истории издания сочинений Белинского, и в отделе «Новые публикации». Изучающие Белинского не раз воспользуются приложенным в конце книги «Алфавитным указателем основных произведений Белинского», в котором сообщается, когда, в каком журнале была впервые опубликована та или иная статья критика и в каких томах главнейших собраний его сочинений она была напечатана впоследствии.

С большим удовлетворением следует отметить, что в справочнике мы находим новые книги и статьи о Белинском, вышедшие даже в текущем году.

Н. МАЦУЕВ

Рукописи и редкие книги

На выставке в Ленинской библиотеке

В Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина на-днях открылись две выставки, посвященные жизни и деятельности В. Г. Белинского. Одна из них даст представление о биографии и литературно-общественной деятельности великого критика, другая—иллюстрирует отдельные этапы жизни и творчества Белинского ценнейшими материалами, хранящимися в отделах рукописей и редких книг Ленинской библиотеки. Многие экспонаты выставляются впервые.

Посетители ознакомятся здесь с письмами Белинского к родным и друзьям — Боткину, Гоголю, Аксакову, с автографами литературно-критических статей Виссариона Григорьевича, первыми изданиями произведений его современников — классиков русской литературы. Здесь будут экспонированы редкие книги, иконография и журналы 1830—40-х годов, связанные с именем великого русского революционера-демократа.

Изобразительные материалы выставки тесно связаны с биографией великого критика. Виды Пензы, Москвы, Петербурга эпохи Белинского даны в литографиях с рисунков художников того времени.

Новое о великом критике

К столетию со дня смерти Белинского Институт литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом) подготовил к печати два тома «Литературного наследства», посвященные великому русскому революционеру-демократу и критику. (Редакторы издания — недавно умерший академик П. Лебедев-Полянский, И. Зильберштейн и С. Макашин.)

Работы историко-литературного и теоретического характера сочетаются в двухтомнике с разнообразными публикациями новых документальных материалов.

Выявить с позиций марксистско-ленинского литературоведения историческую роль Белинского и определить значение его творческого наследия для нашей социалистической культуры — такова задача публикуемых в первом томе статей: И. Сергиевского «Борьба за наследие Белинского», Д. Заславского «К вопросу о политическом завещании Белинского», А. Лаврецкого «Мировое значение критики Белинского» и Б. Бурсова «Плеханов и Белинский».

Остальные статьи первого тома посвящены разработке отдельных важнейших проблем, связанных с историко-литературной и теоретической деятельностью великого критика. Здесь печатаются работы М. Азадовского «Белинский и русская народная поэзия», П. Беркова «Белинский и классицизм», Д. Гинзбург «Белинский в борьбе с романтическим идеализмом», Б. Мейлаха «Белинский о Пушкине», Н. Мордовченко «Белинский в борьбе за натуральную школу» и Г. Фридлендера «О теоретико-литературных работах Белинского».

В разделе, озаглавленном «Из литературного наследия Белинского», печатается 27 ранее не известных статей, рецензий и заметок критика. Среди них и недавно найденная автографическая рукопись Белинского «Рассуждение о воспитании» и тексты, извлеченные из различных изданий, где они были напечатаны анонимно. Принадлежность этих текстов Белинскому устанавливается впервые (публикации К. Богаевской, В. Жирмунского, Л. Каплана, Ю. Масанова, С. Машинского, Э. Найдича, М. Полякова, Н. Соколова, В. Спиридонова).

В разделе «Из неизданной переписки Белинского» опубликованы два неизданных письма к М. Куторге и П. Кудрявцеву, в которых критик резко отрицательно отзывается о шеллингианстве, и три неизвестных доселе письма Грановского и Станкевича, адресованные Белинскому (публикации М. Барановской, Н. Мордовченко, В. Сорокина и Н. Эфрос).

Весьма ценным источником для исследовательской работы является сделанное Л. Капланом описание книг библиотеки Белинского, купленной после смерти критика И. С. Тургеневым и ныне хранящейся в музее его имени в г. Орле.

Заканчивается первый том незавершенной последней работой академика П. И. Лебедева-Полянского, посвященной Белинскому.

Второй том открывается публикациями документальных материалов и научных разысканий, относящихся к юношеской поре в жизни Белинского (Е. Берштейн, Н. Мордовченко, М. Поляков, В. Сорокин и др.). Здесь печатается обширная неизданная переписка Белинского с родными, охватывающая 1829—1835 годы, разнообразные материалы, относящиеся к пребыванию Белинского в Московском университете, жандармские донесения о его связях с революционно настроенными студенческими кружками, цензурные документы о «Дмитрие Калинине», характеризующие демократические и антикрепостнические настроения молодого автора. В частности, здесь печатается отзыв цензора Московского цензурного комитета Льва Цветаева, начинающийся словами: «По назначению Комитета читал я рукопись под заглавием «Дмитрий Калинин, драматическая повесть» и нашел в ней множество противного религии, нравственности и российским законам».

Биография зрелого Белинского обогащается рядом новых фактов, содержащихся во впервые публикуемых воспоминаниях о нем М. Погодина (особенно ценны здесь сведения об отношении Пушкина к Белинскому) и в многочисленных (более 80) письмах современников, (публикации Н. Соколова, Як. Черняка и др.).

До сих пор мы не располагали точным текстом письма Белинского к Гоголю от 3/15 июля 1847 года—документа, который был признан Лениным «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати». Организованные редакцией «Литературного наследства» специальные архивные разыскания позволили выявить 13 копий зальцбурнского письма (до сих пор было известно лишь три). Обследование всех списков помогло установить редакцию письма, максимально близкую к утраченному оригиналу. Эта редакция печатается во втором томе с приведением вариантов всех остальных 12 списков.

Здесь же, в приложениях, публикуются С. Брейтбургом пометки Л. Н. Толстого на полях принадлежавшего ему отдельного издания «Письма Белинского к Гоголю».

Много интересных данных из биографии и литературной деятельности Белинского содержит отдел сообщений (Белинский и Чаадаев, Белинский и Кольцов; прижизненные публикации статей Белинского за границей; цензурные и жандармские материалы о Белинском и др.). Том завершается научным описанием всех сохранившихся рукописей Белинского, за исключением писем, публикацией ряда извлеченных из этих рукописей новых текстов и составленным К. Богаевской полным библиографическим указателем литературы о Белинском за 1900—1948 годы.

СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. Г. БЕЛИНСКОГО

Неистовый Виссарион и его эпоха

М. НЕЧКИНА

Белинский был подростком-школьником, когда загремели пушки на Сенатской площади, разбудившие целое поколение. Он умер, когда на Западе бушевала революция 1848 года. Период его деятельности не занимает и двадцатилетия, но созданное им живет целое столетие и будет жить дальше.

Белинского невозможно понять, не восстановив его живых связей с породившей его эпохой, на которую и он сам оказал могучее воздействие. Между тем, Белинский в научной и популярной литературе нередко рисуется, как революционный демократ вообще, патриот вообще, великий критик и литературовед вообще, с отломанным историческим корнем. Такую абстрактную фигуру легко можно передвинуть вперед или назад по историческим десятилетиям.

В тридцатые и сороковые годы XIX века, к которым относится творчество Белинского, основной исторической задачей общественного движения оставалась борьба с крепостным правом и самодержавием. Но бороться против врагов по-старому уже было невозможно. Это доказали декабристы на своем горьком опыте. Декабристам на Сенатской площади нехватало народа. Величайшей трудностью борьбы для того поколения, к которому принадлежал Белинский, было отсутствие в 30—40-х годах в России революционной ситуации, слабость массового революционного движения. Кроме того, борьбу осложняло отсутствие в то время в России революционной организации, которая притягивала бы к себе лучшие живые силы России. После разгрома декабристского движения еле заметная искорка вспыхнула было в 1827 году в Москве, в кружке братьев Критских, но была легко затоптана жандармским сапогом. Та же участь постигла сунгуровский кружок в 1831 году.

И, наконец, третьей трудностью для борьбы был николаевский режим. Реакционная идеология, плотно и прочно пригнанная ко всей репрессивной системе, стала важной и тщательно разработанной органической ее частью. Это была своеобразная черта николаевской реакции. Поскольку революционеры хотели опереться на народ, казенная идеология, известная под именем «теории официальной народности», доказывала, что на русский народ возлагать надежды нечего, он якобы искони царелюбив, привык к крепостному праву и в помещике видит отца родного. Эту теорию тонко разработали весьма образованные и сведущие люди — министр Уваров, который не только прочел всех классиков, но даже говорил по-латыни, красноречивый профессор Московского университета Шевырев, профессор Погодин, самой своей фигурой агитировавший за «истинность» казенной реформы,—он сам был из крепостных крестьян, но всецело предан самодержавию. В художественной литературе старались во-всю Булгарин, Греч, Кукольник, Сенковский.

Правительство владело обширной и разветвленной агитационной системой, дальние концы которой уходят в сельскую школу, к амвону деревенской церквушки, а ближние, через все виды учебных заведений, тянутся к официальной столичной газете, к университету, к министерству просвещения и святейшему синоду. Эта усиленная проповедь реакционной идеологии не была случайной. Она завсела от нового в русской действительности.

Вокруг была уже не старая декабристская Россия. Когда Белинскому было три года, в России насчитывалась 3.371 фабрика, а через несколько лет после его смерти, в начале 50-х годов, их было уже 9.994. В 1804 году в России 27,5 проц. рабочих были вольнонаемными, а к половине XIX века их было уже свыше 80 проц. Однако, все эти цифровые данные останутся мертвым грузом в рассказе о Белинском, если не переложить их на язык человеческой судьбы.

Судьба многих сыновей перестала повторять судьбу отцов: разрывался круг патриархальной сословной замкнутости, происходили глубокие подспудные перемещения, сын не хотел пахать то же самое поле, которое пахали на барина под крепостным бичом его отцы, деды и прадеды. Немало крестьянских сыновей, не желая повторять в своей биографии отцовскую и дедовскую жизнь, законно или незаконно, с паспортом или без паспорта, стремились в город на заработки. Возрастало число вольнонаемных людей, пробивавшихся к новой жизни через щели трещавшего крепостнического здания. Поповский сын стучался в двери университета, сын забитого палками кантониста выбивался в канцелярские писцы, мещанский сын делался счетоводом в конторе по строительству железной дороги, сын дьячка становился учителем в школе, разорившийся дворянин вместе с сыном портного переступал порог Технологического института, купеческий сын все чаще садился на скамью университетской аудитории, сын пономаря становился лекарем, а лекарский сын мечтал стать знаменитым писателем. Разночинцы вступали в историю. Они численно возрастали, множились, вызванные к жизни развитием капиталистических форм хозяйства, разлагавших феодально-крепостной строй старой сословной России. Через своих отцов и дедов они связаны были тысячью нитей с задавленным русским крестьянством. В этом был элемент нового в жизни России. В 1829 году в жаждавшей знания разночинской веренице, тянувшейся по Моховой к зданию Московского университета, шел и худенький, болезненный белокурый юноша, сын лекаря — Белынский Виссарион.

Студенческая его драма «Дмитрий Калинин» говорила о страстной ненависти к крепостному праву.

Белинского исключили из университета именно за эту пьесу, которую юноша наивно дал университетскому начальству, думая убедить его в правоте своих воззрений. Белинский исключался «по слабому здоровью и при том по ограниченности способностей».

Обычно историк жизни Белинского, сказав после этой цитаты несколько выразительных слов по адресу кретинизма университетского начальства, двигается дальше. Но целесообразно на минуту задержаться и уяснить себе историческую обстановку момента, чтобы понять настоящий смысл резолюции.

Уже со времен декабристов Московский университет тревожил высшие власти, как гнездо крамолы: после казни декабристов дерзкий студент Московского университета Полежаев написал свободолюбивую и безбожную поэму «Сашка» и был сослан Николаем в солдаты (1826). В следующем, 1827 году — дело братьев Критских, тесно связанных с Московским университетом. А в 1831, сейчас же после июльской революции, польского восстания и начавшихся холерных бунтов, раскрытие сунгуровского кружка, также связанного с университетом, — это было уж совсем тревожным: речь шла о вооруженном восстании. Двоих — Сунгурова и Гурова — суд приговорил к четвертованию, — той же казни, что Степана Разина, девятерых — к повешению, одного — к расстрелу, Двенадцать смертных приговоров. Средневековая сентенция пошла на утверждение к Николаю, который лишь в феврале 1833 года заменил смертный приговор каторгой. Можно себе представить состояние университетского начальства в промежуток между приговором суда и царским решением. И вот именно в эти дни студент Белинский принес начальству своего «Дмитрия Калинина»... Учтя всю эту историческую ситуацию, можно понять, почему Белинский вернулся от начальства белый, как мел, и бросился на кровать, повторяя: «Погиб... погиб»... Вероятнее всего предположить, что быстрым исключением крамольного студента из университета начальство спасало себя, спешило отвести от себя новую грозу царского гнева.

Тесная связь Белинского того времени с миром студенческих кружков общеизвестна. Основатель литературного общества «одиннадцатого нумера», связанный и с философским кружком Станкевича, он жадно учится.

Исключенный студент занялся литературной работой. В 1834 году в журнале «Молва» появилось большое произведение, печатавшееся из номера в номер — «Литературные мечтания», произведение, проникнутое высоким оптимизмом и верой в творческие силы народа. За два года до знаменитого чаадаевского письма на всю Россию прозвучал звонкий, молодой тревожный голос, протестующий против казенной народности. Это был голос Белинского. Он высмеивал Булгарина, Греча и «великого» Кукольника — громко протестовал против разрыва образованного общества с народом.

Слово молодого критика смело зазвучало, несмотря на все препоны и рогатки цензуры. Кружки вели важную работу, но она развивалась в замкнутом, малочисленном кругу, а журнальная статья Белинского зазвучала на всю Россию, — в этом и было качественно новое отличие. Журнал стал трибуной передовой мысли.

Белинский глубоко работал над философскими проблемами. В центре его исканий был основной вопрос — правильное понимание действительности, бытия. Белинский вник в последние явления идейной жизни своего времени, втянул в орбиту своей огромной работы новые философские системы Фихте, Шеллинга, Гегеля, эстетические теории, художественные явления. Все богатство идейной жизни той эпохи прошло через самостоятельную работу этого светлого русского ума. На пути своего быстрого развития Белинский пережил тяжелую болезнь роста. Жажда иметь цельное философское мировоззрение обогнала процесс идейного созревания, напряженной мыслительной работы. Гегельянский тезис о разумности всего действительного и действительности всего разумного поразил Белинского. Отсюда — логически развивал он свою мысль — надлежит признать разумность существующего строя. И он насильно покорил себя этой «логике». Чудовищное самодержавие с этих позиций выглядело как законное и благостное, ибо существовало, принадлежало бытию.

Казалось бы, примирившийся с действительностью человек должен был чувствовать себя спокойно, но не тут-то было: жадная к истине мысль автора «Дмитрия Калинина», «Литературных мечтаний» никак не хотела «примиряться». Ему было плохо, — многочисленные и длиннейшие его письма к друзьям полны этих признаний: «Я нахожусь в какой-то апатии...» «...Страдаю, даже тяжело страдаю...» «...Никогда жизнь не была мне таким мучением...» «...Лежу... как живой труп...» «В душе холод, апатия, лень непобедимая... вижу, что я просто—дрянь, дрянь и дрянь, чуть ли не кандидат в Шевыревы...» Хорошо «примирение»! Все было полно противоречий, и пытливый ум бушевал над ледяной корой искусственного «примирения», как весенний ручей, пробивал себе путь к выходу.

Белинский и в эти годы остается жарким противником крепостного права, надеется, что оно отомрет в самом скором времени, а дворянство благополучно «издыхает».

Белинский сам дал точное название этому тяжелому для него времени. «А это насильственное примирение с гнусною расейскою действительностью...» — писал он Боткину 11 декабря 1840 года. Необходимо, мне кажется, отказаться от почему-то принятого и неточного термина «примирение с действительностью». Надо ввести именно то выражение, которое принадлежит самому Белинскому: «насильственное примирение с действительностью». Напрасно некоторые юбилейные статьи стыдливо замалчивают этот период, — победа над «примирением» говорит о великой духовной силе Белинского.

Белинского исцелила от «примирения» тяжелая действительность.

Осенью 1839 года он переехал в Петербург, и тут воочию увидел подлинное лицо самодержавия. Огромная бездушная машина царизма в Петербурге была виднее. Все даровитое находилось в «позорном бездействии», всюду роль играли «подлецы и дюжинные посредственности». «В Питер бы вас, дураков — там бы вы поумнели, там бы вы узнали, что такое российская действительность», — писал Белинский Боткину в феврале 1840 года. Жаркие споры с приехавшим в Петербург Герценом также помогли Белинскому излечиться от «примирения». Белинский проклял это примирение и желчно высмеял философский колпак Егора Федорыча Гегеля.

С этих пор закипела страстная борьба Белинского против реакционного гегельянства, борьба, которую он неустанно продолжал всю жизнь и которая одна завоевала бы ему самое почетное место в истории русской философии.

Правильные философские позиции помогли Белинскому глубоко понять общественное значение русской литературы, об'явить смертный бой ложной теории искусства для искусства, уловить, раскрыть и показать широкой массе новых выбивающихся из низов читателей. реалистическую линию великой русской литературы. Он об'яснил великое значение Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Кольцова, Герцена. Белинский раскрыл глубокий смысл образов Гоголя, высмеявшего крепостников Собакевичей, Коробочек, Маниловых и затхлый чиновничий мир российской бюрократии, выведенный им в «Ревизоре». Убежденный голос великого критика громко звучал на всю Россию с трибуны «Отечественных записок». В стране, где был разгромлен революционный центр, где еще не создалось нового, где отсутствовала революционная ситуация и даже лучшие люди из революционеров-дворян испытывали пессимистические настроения «лишнего человека», — Белинский централизовал общественное движение. Он воспитывал кадры будущих деятелей и тем самым готовил будущий взлет революционного движения. Его статьями зачитывался студент Петербургского университета Николай Чернышевский и молодой семинарист в Нижнем-Новгороде — Николай Добролюбов. Белинский воспитал Некрасова: «Учитель! перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени!»,— писал великий поэт-демократ.

Было бы величайшей ошибкой считать наименование разночинец равносильным понятию — революционер-демократ. Можно отчетливо различить две струи в составе разночинского слоя: одну революционную, демократическую, давшую России Белинского, Чернышевского, Добролюбова, и другую, консервативную, узко мещанскую, подчас прямо и откровенно реакционную, давшую Погодина, Юркевича и их соратников. Две души жили в груди разночинца — душа угнетенного трудового человека, восстающего против произвола, и узко мещанская приспособленческая душа. Самодержавный строй, нуждаясь в мелком бюрократическом чиновничьем слое, выделял немало скромненьких, но теплых местечек в своем аппарате для разночинцев, которые могли дойти и до личного дворянства. «Дал чин асессора и взял в секретари! В Москву переведен через мое содействие!» — кричал Фамусов Молчалину (чин асессора давал личное дворянство).

Надо было повести борьбу за завоевание колеблющегося слоя разночинской молодежи, стоявшей на распутье: куда итти — к чиновничьему мирному бытию, квартирке, графинчику, гитаре на стене, воскресному пирогу после обедни — или в кружок молодежи, жадно читающей «Отечественные записки».

Будучи социалистом по убеждениям, хотя и не дойдя еще до научного социализма, Белинский воспитывал все возрастающий круг своих читателей в ненависти к поработителю, в преданности интересам трудового человека. Социализм был его «идеею идей и бытием бытия». Он полагал, что нет ничего выше и благороднее, чем способствовать приближению социализма. «Но смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови... Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов...» «Прочь же от меня блаженство, если оно достояние мне одному из тысяч!..» Так писал Белинский-демократ, предшественник русской революционной социал-демократии.

Можно себе представить, каким страданием было для Белинского чтение только что вышедшей книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Это была открытая проповедь казенной «народности». И она — эта реакционная проповедь—исходила из уст любимейшего писателя России.

Со всей силой своего таланта, со всей страстью глубокого убеждения Белинский выступил против Гоголя.

Белинский доказывал, что народ—творческая историческая сила. Освобождение народа от крепостного права, уничтожение этого ярма освободит гигантские народные силы. «...Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!)... а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства...» Белинский хотел спасти Гоголя от идейного падения и гибели, возродить в нем творческую силу, заставить понять — к краю какой пропасти он подошел. Письмо Белинского к Гоголю является подлинным манифестом нового поколения, идущего к революционной борьбе. Вместе с тем оно волнует, как документ самой высокой и подлинной дружбы.

Чернышевский в своих «Очерках гоголевского периода русской литературы» в силу цензурного запрета скрыл имя Белинского под прозрачным названием «автора статей о Пушкине», он сказал проникновенно, что автор этот отдал жизнь «служению на пользу родной страны, без страха и лицеприятия. Любовь к родине, мысль о благе ее одушевляла каждое его слово, — и только этим страстным увлечением об'ясняется и непреклонная неутомимая энергия его деятельности и его могущественное влияние на публику и литературу».

Белинского-революционера, агитатора за новое, воспитателя смены революционных борцов, отдавшего жизнь народу, об'яснившего ему величие и силу родной литературы, пробуждавшего — в тяжелое и трудное время — скованные самодержавием силы, высокую веру народа в себя,— неистового Виссариона чтит страна победившего социализма, о котором он так мечтал.

Мировое значение эстетики Белинского

Л. ПЛОТКИН

Белинский — явление удивительное и беспримерное в истории мировой критики. Ни одна литература не может назвать другого критика, чьи оценки приобрели бы столь авторитетную силу для последующих поколений.

Эстетика Белинского была для своего времени совершенно новым и неизмеримо более высоким этапом в развитии мирового искусствознания.

Что представляла собой в наиболее существенных своих проявлениях западноевропейская эстетика к сороковым годам прошлого века? Здесь можно выделить две линии. Немецкая идеалистическая эстетика уводила художника от реальной действительности, от «низкой прозы» жизни, от социальных проблем в заоблачные сферы «чистого искусства», отрешенного от жизни, замкнутого в себе и далекого от социальных бурь и страстей. Во французской критике отчетливо проявились те тенденции эмпирического об'ективизма, которые позднее нашли законченное выражение в методологии Тэна. Французская критика отказалась от какой бы то ни было художественной программы, перестав в этом смысле вообще быть эстетикой. Она отказалась также и от установления связи искусства с закономерностями общественного развития. По словам Лансона в его «Истории французской литературы» — «критика не навязывала более писателям абсолютного идеала, канона красоты, которого писатели должны были держаться в своих произведениях». Для Сент-Бёва — «понять, значит полюбить; об'яснить — значит оправдать». «...Он ищет в литературном произведении не отражения целого общества, а отпечаток известного темперамента; все его суждения о книгах сводятся к суждениям о людях».

Зрелому Белинскому, Белинскому сороковых годов, были чужды и враждебны оба эти направления. Он был противником как идеалистических воззрений немецкой эстетики, так и бескрылого эмпиризма французской критики. Этим двум линиям противостоит эстетика Белинского, которую вместе с эстетикой Чернышевского можно рассматривать, как высшую ступень в домарксистской науке об искусстве.

Белинский впервые в мировой эстетике дал развернутую принципиальную критику теории «чистого искусства». Полемизируя с Аксаковым и Шевыревым—русскими последователями немецкого эстетического идеализма, он доказывал, что «чистого искусства» в природе никогда не было и не могло быть, это — фикция, созданная реакционными идеологами. Правда, Белинский отмечает, что некое подобие «чистого искусства» можно найти в античной древности, но тут же добавляет, что и об этом следует говорить только в очень условном и относительном смысле.

«Мы видели, — писал критик, — что и греческое искусство только ближе всякого другого к идеалу так называемого чистого искусства, но не осуществляет его вполне; что же касается до новейшего искусства, оно всегда было далеко от этого идеала, а в настоящее время еще больше отдалилось от него; **но это-то и составляет его силу. Собственно художественный интерес не мог не уступить места другим, важнейшим для человечества интересам, и искусство благородно взялось служить им, в качестве их органа**» (подчеркнуто нами. — Л. П.).

Что это за «другие важнейшие для человечества интересы», — в подцензурных своих статьях сказать открыто Белинский не мог. Эту мысль он расшифровал в переписке. «...Идея социализма, — говорит он в одном из своих писем,—...стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфою и омегою веры и знания».

Идеи общественного преобразования жизни на основах равенства и свободы, идеи революции и социализма—вот те высокие и важнейшие интересы, которые определяют весь ход современной жизни; им должно служить подлинное искусство, если оно хочет итти в ногу с веком.

В этом, самом главном пункте своей эстетической концепции, Белинский решительно отвергает гегелевскую философию искусства, гегелевское понимание закономерностей художественного развития человечества. Известно, что Гегель считал современную эпоху неблагоприятной для развития искусства. Золотой век художественного творчества остался позади и никогда не вернется, — утверждал он. На смену ему пришли прозаическая трезвенность буржуазного практицизма, разум и воля, враждебные поэтическому воображению. Запутанное состояние гражданской и политической жизни, по мнению Гегеля, препятствует охваченному мелкими интересами сердцу освободиться для высших целей искусства.

В нашей критике были ошибочные попытки отождествить гегелевское понимание развития искусства с марксистским тезисом о том, что капитализм не благоприятствует художественному творчеству. По исходные позиции и конечные выводы у Маркса и Гегеля были различны. Гегель пришел к мысли об увядании и гибели искусства, потому что само представление об искусстве было у него метафизичным.

Крайне знаменательно, что в сороковых годах прошлого века в работах гениального русского критика зарождается совершенно иное, историческое и диалектическое, понимание роли и значения искусства. Не в абстрактном идеале красоты, а в живом мире общественных интересов обретает оно свою силу. Не вырождение и гибель несет искусству преобладание социальных интересов, напротив, борьба политических страстей, борьба за общественное переустройство мира является источником новых могущественных и вдохновляющих творческих стимулов для истинного художника. От того, что искусство взялось служить социальным интересам, «оно нисколько не перестало быть искусством, а только получило новый характер. Отнимать у искусства право служить общественным интересам, значит не возвышать, а унижать его». Так в борьбе с Гегелем рождается иная, исполненная исторического оптимизма, концепция движения искусства, основанная на материалистическом понимании связи между обществом и художником. И то, что литературно-критическую мысль великого революционного демократа одухотворяли идеи материалистической философии, идеи революции и социализма, придавало ей такой размах, открывало перед ней такие перспективы и сообщало ей такую внутреннюю силу, какой не было ни в одной из господствовавших в то время теоретических концепций — ни в идеалистической эстетике Гегеля, ни в художественных воззрениях зарождавшегося французского позитивизма.

Эти качества Белинского, обусловленные широтой и напряженностью освободительной борьбы в России, делали его предшественником марксистско-ленинской эстетики.

Стремление связать развитие искусства с революцией и социализмом пронизывает собою всю эстетическую концепцию Белинского. С этих позиций Белинский боролся за национальную самобытность литературы, за народность.

Великий критик подчеркивал, что, лишь оставаясь на почве национальных традиций, русская литература сможет выполнить свою социальную миссию и сказать свое слово в общемировом художественном прогрессе.

С точки зрения общих своих принципов, Белинский выдвигал в качестве главного положения своей эстетики «верность действительности», требование художественной правды, реализм. Не иллюзорная сфера абсолютной красоты, а весь многообразный мир социальных интересов, — вот что является подлинным об'ектом искусства. Литература должна поведать миру жестокую правду о противоречиях общественного развития, показать трагические контрасты классового строя и этим помочь революционному просвещению масс.

Народность и реализм — вот краеугольные камни демократической эстетики Белинского.

В теоретических суждениях Белинского должна быть со всей силой подчеркнута еще одна черта, сообщившая революционно-демократической эстетике особую глубину и значительность. Мы имеем в виду те элементы в эстетическом мировоззрении Белинского, а позднее и Чернышевского, которые решительно отвергали всякую возможность оправдания декаданса, в каких бы формах он ни проявлялся.

Критикуя апологетов «чистого искусства», Белинский с гениальной прозорливостью подчеркнул, что теория эта является выражением исторического бессилия. Простота, естественность и органичность произведений были для него обязательными условиями художественного качества. Позднее Чернышевский, развивая воззрения Белинского, скажет, что красота, по человеческим понятиям, это все то, что выражает жизнь свежую, полную здоровья и сил.

Принципиально новой в деятельности Белинского была сама его методология. Немецкая идеалистическая эстетика, подробно разрабатывавшая философию искусства, чуждалась конкретной критики и самую историю литературы рассматривала, по преимуществу, как прикладную логику. Замечательной чертой критической деятельности Белинского был **синтез эстетики, истории литературы и критики.** Каждая критическая статья Белинского содержала одновременно и важнейшие методологические положения, и историко-литературный анализ, и конкретно-критические оценки.

Все это сделало Белинского гениальным основоположником материалистической и революционно-демократической эстетики. Эта эстетика впервые теоретически осмыслила великий поворот к реализму, который совершался в русской и западной литературе. Утверждая мысль о верности действительности, как главном требовании века, и о многообразии социальных интересов, как основном об'екте искусства, Белинский формулировал те тенденции, которые внутренне присущи были самому литературному процессу.

Разумеется, Белинский был сыном своего времени, и в его статьях есть немало утверждений, не приемлемых для нас. Это относится, главным образом, к ранним работам критика, в которых утверждалось, что в России есть писатели, но нет литературы, имели место непоследовательные суждения об иноземном происхождении таких явлений русской литературы, как классицизм и романтизм, отсутствовала в ряде случаев должная историческая перспектива в оценке деятелей допушкинского периода русской литературы. От многих этих неверных взглядов впоследствии Белинский сам отказался.

Надо иметь в виду, что до конца решить вопрос об искусстве и социализме Белинский, разумеется, не мог, как не мог он до конца решить и такой основополагающей проблемы, как проблема **партийности** литературы. Эти важнейшие вопросы решены только в наше время на основе философии марксизма-ленинизма.

Но пафос эстетики Белинского, пафос всей его литературно-критической работы близок и дорог нашей социалистической культуре. Товарищ Жданов указал: «Боевое искусство, ведущее борьбу за лучшие идеалы народа — так представляли себе литературу и искусство великие представители русской литературы». Основы такого понимания искусства были заложены Белинским. Это было великим завоеванием русской революционно-демократической эстетической мысли, сохранившим живое значение и для нашего времени.

Алексей ЮГОВ

ХИРУРГ

Недолгая, между двумя операциями, передышка. Однако, стоит ему побыть вот та́к, в кресле, без резиновых прозрачных перчаток на руках, без хирургического клеёнчатого запона и снежно-белого халата, без острого скальпеля в руке, без марлевой маски, стоит подкрепить себя глотком горячего чая в тиши просторного кабинета, — и тогда снова этот седой, высокий, изящного облика человек сбросит свою усталость, юношески прянет на ноги и, как ни в чем не бывало, легкой и сильной поступью пройдет опять в операционную. А там опять часами будет склонять он над «операционным полем» свою многодумную голову хирурга-мыслителя, погружать в хирургическую рану свои «видящие» руки хирурга-виртуоза, творя свои изощреннейшие, «юдинские» операции, невероятно трудоемкие, тщательно продуманные, но и дерзновенные.

Однако, нет: сегодня что-то не очень дают передохнуть Сергею Сергеевичу! Стук в дверь. — Войдите! — и в кабинет Юдина входит в белом халате, в белой шапочке его ассистент, обхвативший за плечи двоих курносых, крупноголовых мальчуганов.

Профессор поворачивается в их сторону и, забавно скосив голову, взглядывает на обоих поверх тонкой металлической оправы очков.

Старший из ребятишек — коренастый, лет семи, упитанный украинец в больничном халатике, на первый взгляд как будто ничем не замечателен. Зато к младшему, к этому четырехлетнему карапузу, взгляд сам собою приковывается. Он без рубашки. Очень исхудалый. На белый свет глядит исподлобья, и некая тяжкая обида — зависть залегла в его еще младенческих глазах. Да и еще бы! Сразу же бросается в глаза и причина этого: в его бедный животишко воткнута, сбоку от пупка, черная резиновая трубка, с палец примерно толщиною. Этот ребенок обжег себе когда-то пищевод каустиком. Чтобы ребенок не умер в муках голода, хирурги сделали ему «окошечко» в желудок сквозь стенку брюха и ввели туда резиновую трубочку. Пища — непременно жидкая! — вливается прямо в желудок через эту вот резиновую трубочку при помощи вставленной в нее воронки. Так вот и живет, так вот и питается кроха, не зная вкуса пищи, лишенный радости глотка... Исстрадался, конечно. Извелись и отец с матерью. Наконец-то забрезжил свет: ребенок попал в хирургическую клинику института имени Склифосовского, и сам Юдин взялся сделать мальчику новый пищевод из киночки, подтянутой из живота кверху. Тот мальчуган, что постарше, претерпел уже эту восстановительную операцию и теперь ест-пьет, как все. А недавно и ему так же, как вот сейчас младшему, на протяжении ряда лет вливали пищу через трубочку, вставленную сквозь отверстие в желудок.

— Ну, так как же, Петр Иваныч? — спрашивает Юдин, ласково и серьезно наименовывая кроху по имени и отчеству, беря его за ручонку: — Будем, значит, оперировать?

Тот молчит. Хирург нахмуривается, затаивая улыбку:

— Экий ты какой! — огорченно произносит профессор Юдин: — Ведь надоела же тебе эта бандура?! — он дотрагивается до прибинтованной к животику мальчугана резиновой трубке. Тот печально кивает головой, вздыхает, однако, согласия своего на операцию так и не дает. А у Сергея Сергеевича давнее правило: с полным уважением относиться к воле даже и самых маленьких своих пациентов.

— Ну, что ж, — говорит он со вздохом, — насильно я не хочу тебя оперировать: организм ведь твой! Но ты подумай еще.

Тут старший мальчуган решает, что надо помочь профессору; уплетая печенье за обе щеки, он со снисходительной укоризной говорит младшему:

— Та що ты боишься! Тю!..

И это решает дело: когда хирург снова привлекает к себе малыша и спрашивает: — Так сделаем операцию-то?—мальчуган тоненьким голоском лепечет:

— Ну уж ладно, нето: сделаем операцию...

— Давно бы так!

Большая операционная института им. Склифосовского.

Идет операция: искусственный пищевод. Она беззвучна, бескровна, хотя нож хирурга производит чудовищное по своей обширности вторжение в недра человеческого тела: сперва со стороны живота, затем— со спины, в грудную клетку с из'ятием ребра. Рука профессора режет, рассекает, шьет... Казалось бы, все должно было залиться кровью, — нет! — словно бы он восковое тело режет! Едва успевает выкатиться из перерезанного кровеносного сосудика «брусничинка» крови, как ее уже устранили марлевыми тампонами, а сосудик зажат и перевязан. Тихо... Только слышится легкое металлическое похрустывание замыкаемых рубчатых затворов хирургических инструментов. Им несть числа! Вся хирургическая рана окружена сверкающим венчиком кровеостанавливающих пинцетов: словно бы лепестки металлического подсолнуха. Профессору мало двух рук: еще три пары гибких, вышколенных, опережающих его приказания рук помогают ему. Хватает работы для всех этих пальцев, обтянутых желтовато-прозрачной резиновой хирургической перчатки. Какая безмолвная созвучность мыслей, какая сыгранность всех этих перстов! Инструменты подаются помощниками или вводятся в дело, едва только наметится в них надобность. И все ж таки при какой-либо мгновенной задержке изредка кинет профессор неодобрительный взгляд поверх очков, а иногда и излетит из его уст шопотом произнесенное, не очень-то ласковое «хирургическое» словечко. Еще бы! — образование искусственного пищевода из тонкой кишки, а особенно по новому, юдинскому способу—с выведением кишки через диафрагму в грудную клетку, — это столь многосложная, трудоемкая и артистическая операция, что все движения оперирующих пальцев—шефа и его помощников—должны быть слиты в одну безупречную симфонию.

И впрямь! — смотришь и мнится, будто не операцию хирургическую он совершает, а словно бы ведет перед студентами урок анатомии с неторопливой демонстрацией сокровеннейших уголков человеческого тела.

И в то же время непосвященному неизбежно придет в голову вопрос: «Полно! да разве может человек остаться жив, после того как нож хирурга столь глубоко вторгся и в полость груди, и в полость живота!» Однако, можете быть спокойны: пройдет неделя-полторы, и этот самый больной снова будет пить и есть, как все, он вновь ощутит простую физиологическую радость глотка, радость утоления жажды и голода. Никто из посторонних даже и знать не будет, сколь страшной и радикальной операции подвергся этот человек!

Граничащая с чудом хирургическая техника Юдина и безупречная логика его операций — они не с неба упали, — они являются плодом тридцатилетнего самоотверженного труда, плодом десятков тысяч операций и свыше полуторы сотен научных работ. Сорок с лишним лет назад другой блестящий русский хирург профессор П. А. Герцен впервые в мире с успехом осуществил операцию искусственного пищевода, начал то дело, торжеству которого посвятил свою жизнь профессор Юдин.

В области желудочно-кишечной хирургии профессор Юдин уже давно является признанным лидером мировой хирургии. Однако, он скромен и свой классический труд назвал всего лишь «этюдами»: «Этюды желудочной хирургии на основе 10 тысяч наблюдений».

До прихода Юдина в эту область прободные язвы желудка давали до 50 процентов смертности,—его операция снизила смертность сперва до 6—5 процентов, а за последние годы она упала у него до 1—2 процентов.

Почти безраздельно юдинской областью является хирургическое восстановление поврежденных пищеводов.

Прежний вид операции искусственного пищевода, когда пищевод этот проводили под кожей груди, перестал уже давно, в силу ряда причин, удовлетворять хирурга-мыслителя. Одна из этих причин та, что в старом ее виде операция искусственного подкожного пищевода совершалась в несколько приступов, отдаленных друг от друга большими сроками. У некоторых хирургов операция эта длилась годами!

Венцом творчества профессора Юдина в этой области является прокладка хирургического пищевода не под кожей, а в самой грудной клетке. Операция совершается в один приступ, занимает около полутора часов, а через неделю сотворенный руками хирурга пищевод начинает действовать, возвращая исстрадавшемуся человеку «радость глотка».

Необ'ятная эрудиция, ясность мышления, пламенная вера в хирургию, артистическая техника и самоотверженное служение больному человеку — все эти свойства обеспечили советскому хирургу Сергею Сергеевичу Юдину — дважды лауреату Сталинской премии — одно из первых мест среди иерархов мировой хирургии.

Подстать этому борцу со смертью и с тяжкими увечьями и то блистательное и совершенное вооружение, которым вооружает своих хирургов страна победившего социализма! Такому оснащению хирургической клиники на 750 коек, каким сейчас располагает гордость Москвы, Институт скорой помощи им. Склифосовского, позавидовало бы здравоохранение любой державы.

Сергей Сергеевич Юдин всегда был пламенным и самоотверженным воспитателем хирургических кадров. Он считал бы свою задачу воспитателя хирургических кадров неисполненной, если бы только в его руках да в руках таких его помощников, как профессора Д. А. Арапов, Б. А. Петров и Б. С. Розанов, давали столь блестящие исходы желудочно-кишечные и пищеводно-восстановительные операции. Нет! Хирурги его выучки — разной квалификации, разного стажа—ничем не омрачили великолепной статистики благополучных исходов и полных выздоровлений.

С выходом же в свет двухтомной книги Юдина, книги, содержащей все тончайшие подробности операций, — эти «юдинские» операции — даже и внутригрудное проведение пищевода! — станут достоянием и рядового советского хирурга даже при самом скромном хирургическом оснащении.

Акад. А. ВЫШИНСКИЙ

Смелее двигать вперед правовую науку

Перед советской правовой наукой, в условиях общего под'ема идеологической работы в нашей стране, стоит задача теоретически обобщить огромный опыт социалистического строительства и на этой основе дать ответ на ряд новых вопросов в области теории советского государства и права. Страна наша требует дальнейшего развития юридических наук и подготовки кадров высокообразованных советских юристов. Хорошо поставленное юридическое образование — большое подспорье в деле государственного строительства. Наша страна нуждается в советских юристах не меньше, чем в инженерах, врачах и педагогах.

Мы уже пережили 15—20 лет назад болезнь «правового нигилизма», когда советское право об'являлось «юридическим барахлом», которое пора свезти на историческую свалку, когда утверждалось, что оно «перелицованное» буржуазное право. В то время среди нас были «ученые», которые пытались отрицать значение советского законодательства, ополчались против гражданского права, проектировали уголовное право, не углубляясь в решение таких проблем, как проблема вины, умысла, ответственности. Ныне, к счастью, такие «новаторы» уже перевелись. Но время от времени кое у кого проявляются рецидивы старых ошибок—пережитки буржуазного мировоззрения у некоторых юристов еще дают себя знать. Проявляется и определенная косность в разработке выдвигаемых жизнью вопросов. Юристы не сумели создать за последние годы сколько-нибудь значительных работ ни по теории советского права, ни по другим важным юридическим вопросам. Не случайно, что среди Сталинских лауреатов 1947 года нет представителей правовой науки. И вполне справедлив упрек, который прозвучал со страниц многих наших газет по адресу теоретиков права. Хотя большинство советских юристов хорошо представляет себе свои задачи, наша правовая наука разрабатывается еще далеко не удовлетворительно. Советская передовая наука не может мириться с застоем, пассивностью, отставанием, заскорузлостью. Она не выполнила бы своих задач и не оправдала бы своего назначения, если бы не была наукой подлинных новаторов.

Советская наука, в целом, и наука советского права, в частности, должна всесторонне использовать достижения мировой культуры. В этом отношении сделано еще далеко не все. Было бы непростительно считать, что нам нечего взять от зарубежной науки. Но овладевать ее достижениями можно лишь критически, на основе единственной подлинно научной методологии—диалектического материализма.

Этот метод, освещающий генеральный путь исторического развития, раскрывающий смысл современных событий, — основа всей теоретической и практической деятельности советских юристов. Но нередко отдельные работники науки права пытаются подменить в своих трудах подлинное научное творчество цитированием высказываний классиков. Этот метод «научной работы», который можно было бы назвать цитатологией, у нас довольно распространен. «Ученые» такого рода, механически нанизывая на тоненькую ниточку своей мыслишки высказывания великих корифеев науки, пытаются выдать свои писания за марксистские труды. Задача нашей науки не в простом цитировании классиков марксизма-ленинизма, а в творческой разработке научных положений, в широких теоретических обобщениях и в их практическом применении. Этого-то нередко и недостает ряду теоретических работников права. При помощи цитат ведутся, как правило, и теоретические дискуссии, которые зачастую напоминают диспуты времен протопопа Аввакума. Такое впечатление оставляет, например, диспут наших ученых-юристов в связи с книгой проф. М. С. Строговича о материальной истине в уголовном процессе.

Характеризуя состояние нашей юридической науки, нельзя не указать на некоторые недостатки и извращения методологического порядка в работах по вопросам государства и права. Естественно, что эти теоретические ошибки отражаются на деятельности и наших юристов-практиков.

Вот несколько примеров из области международно-правовой теории.

Делегация СССР на Генеральной Ассамблее Организации Об'единенных наций в 1947 году поставила вопрос о запрещении пропаганды войны. Около двух месяцев шла борьба из-за первого пункта этой статьи, предлагавшего осудить пропаганду войны в любой форме.

Но вот один из наших ученых-юристов выступает со статьей, в которой утверждает, что такая постановка вопроса неправильна. Высказываясь против термина «пропаганда агрессивной войны», он считает более приемлемым термин «призыв к агрессивной войне». Выдвигая подобное предложение, этот ученый-юрист не замечает, что такой формулировкой он ставит под удар эффективность борьбы с поджигателями войны. Ошибка автора в том, что он исходит здесь из формально-юридических принципов. Конструкция правовой нормы не может строиться на таких принципах. В социалистическом обществе приемлема только такая норма, которая строится на основе учета требований жизни, отражает то, что выгодно и полезно народу, то, что соответствует его стремлениям, его идеалам, что служит выражением его воли.

Другой наш ученый-юрист, рассуждая о государственном суверенитете, говорит: «Суверенитет—это юридическая и фактическая способность государства осуществлять свои функции в качестве полновластной организации на своей территории и в качестве независимого члена международного общения». Другими словами, если суверенитет — это только «способность государства», то, следовательно, не суверенно то государство, которое само, своими силами не способно защитить себя?

Нетрудно увидеть порочность такого определения, из которого следует, что в случае, например, военной слабости какого-либо государства оно не должно признаваться суверенным. Однако, не ясно ли, что ставить суверенитет государства в зависимость от его фактической способности осуществлять власть на своей территории или вне ее—значит, предоставлять это государство произволу другого, более сильного, значит, создавать удобные лазейки для всякого рода агрессоров.

Спрашивается, кто может быть уполномочен решать, обладает ли такой «фактической способностью» данное государство или нет? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы убедиться в ошибочности такого понимания и такого определения суверенитета, которое изложено выше.

К сожалению, это ошибка не только одного автора. Она допущена и в учебнике «Теория государства и права», подготовленном Институтом права Академии наук СССР.

В этом учебнике подчеркивается к тому же, что суверенитет государства состоит в том, что оно обладает **формальной** способностью устанавливать любые правовые нормы, какие оно сочтет для себя необходимым. Тем самым учебник сводит вопрос о суверенитете к формальности. С этим никак нельзя согласиться. Ведь было бы гораздо правильнее давать понятие суверенитета, исходя не из фактической или юридической способности государства осуществлять свои функции, а из того, что суверенитет означает независимость данной государственной власти от всякой другой, как внутри, так и вне границ своего государства. Такое понимание суверенитета рассматривает всякое действие, посягающее на независимость и самостоятельность государства, безотносительно к тому, способно ли это государство противостоять покушениям на его суверенные права, как нарушение суверенитета, как нарушение международного права.

Ряд существенных ошибок имеется и в книге А. И. Денисова «Теория государства и права». Автор ее справедливо считает, что территория является важнейшим признаком государства и что ни законодательная, ни административная и судебная деятельность государства невозможны вне пространства. Но вслед за этим он пишет, что если под давлением иноземного захватчика государство в лице своих правительственных учреждений и вооруженных сил переходит в другие страны и продолжает действовать на чужой территории, находя поддержку и признание этих стран, оно и в данных условиях сохраняет своеобразную территорию—«условную» («в виде иностранной резиденции глав государств или правительств») или «пловучую» («в лице флота, функционирующего под их флагом»). Из такого определения следует, например, что польские эмигранты во главе с Миколайчиком в Лондоне или Нью-Йорке могут представлять собой польское государство, территория которого будет хотя и «условной», по выражению автора, но все же государственной.

Искусственность и ошибочность такой юридической конструкции очевидны.

Небрежно, с прямыми искажениями трактует в своем учебнике А. И. Денисов и вопрос о диктатуре пролетариата. Воспроизводя марксистское, ленинско-сталинское определение диктатуры пролетариата как особой формы классового союза пролетариата с трудящимися массами, А. И. Денисов ничего не говорит о том, что «руководителем государства, руководителем в системе диктатуры пролетариата является одна партия, партия пролетариата, партия коммунистов, которая **не делит и не может делить** руководства с другими партиями» (И. Сталин).

А. И. Денисов нигде не указывает на то, что, как учит товарищ Сталин, диктатура пролетариата имеет свои периоды развития, свои особые формы и осуществляется разнообразными методами.

Ошибочны и его высказывания по поводу происхождения, сущности и функций государства. Он пишет: «Практическое значение правильного разрешения проблемы происхождения государства исключительно велико. Изучив причины, вызвавшие к жизни государство, мы получаем для своей общественной деятельности великое духовное оружие — знание, при каких обстоятельствах государство станет ненужным для общества. А это освещает путь нашей общественной практики».

Из рассуждений А. И. Денисова вытекает, что знание того, при каких обстоятельствах государство станет ненужным обществу, то-есть отомрет, является нашим «великим духовным оружием», освещающим путь практике. Иначе говоря, внимание фиксируется не на том, что государство **нужно пролетариату**, а на том, при каких обстоятельствах **оно станет ему не нужно.** Известно, что вопрос об отмирании государства особенно энергично муссировался враждебными советскому строю людьми, пытавшимися использовать эту проблему для антисоветской пропаганды.

В докладе на XVIII с'езде партии товарищ Сталин указывал на отсутствие полной ясности у многих из нас в некоторых вопросах теории, особенно в вопросе о нашем социалистическом государстве, который имеет серьезное практическое значение. Товарищ Сталин дал замечательное по своей научной глубине и точности раз'яснение важности правильного понимания роли и значения советского государства и подчеркнул опасность недооценки этой роли.

Вызывает удивление, что автор учебника «Теория государства и права» счел нужным обосновать необходимость изуче-

ОКОНЧАНИЕ НА 4 СТР.

З. ПАПЕРНЫЙ

Перечитывая Белинского

1. ТЕОРИЯ И ЖИЗНЬ

Вспомним, какой была наша литература, когда умирающий Белинский писал свой последний обзор — «Взгляд на русскую литературу 1847 года».

За несколько лет перед этим вышла в свет первая часть «Мертвых душ» Гоголя, которого Белинский называл главою так называемой натуральной (реалистической) школы. Уже появились стихи Некрасова, первые рассказы из «Записок охотника» Тургенева, «Деревня» и «Антон Горемыка» Григоровича, «Кто виноват?» Герцена, «Обыкновенная история» Гончарова, «Бедные люди» и «Двойник» Достоевского.

Сейчас нам ясно и отчетливо видно, что натуральная школа явилась новым словом в развитии русского критического реализма. Но тогда писатели натуральной школы были в меньшинстве. Они были молодыми и еще мало известными публике писателями. Их произведения подчас ускользали от невнимательного и незаинтересованного взгляда, теряясь среди произведений маститых, видных, но уже отставших от жизни авторов.

Глубоко и тщательно изучая современную литературу, Белинский обратился к тем, пока еще немногочисленным романам, повестям и рассказам, в которых содержалось зерно дальнейшего развития русской реалистической литературы XIX века.

Белинский не просто «открыл» натуральную школу. Внимательным и заинтересованным взглядом изучал он живой процесс развития современной литературы. В то время как официально признанные «теоретики», запершись в кабинетах, не слыша голосов жизни и литературы, сочиняли «разные риторики и пиитики, которые, как и все книги этого рода, никогда и никого не научили сочинять хорошо, но с толку сбили многих», — в это время Белинский жадно и нетерпеливо изучал живую литературу, в том числе книги молодых, порой еще никому не известных писателей.

Важность теоретических вопросов зависит от их отношения к действительности, — говорил Белинский.

Он всегда разоблачал пустую, ложную значительность абстрактного теоретизирования. Сложные вопросы литературной теории он решал в ходе глубокого, конкретного и целенаправленного идейно-художественного анализа произведений. Не случайно, что именно в своем знаменитом обзоре русской литературы 1847 года в борьбе с противниками натуральной школы—вполне конкретными и называемыми по именам—он ставил вопросы о сущности искусства, его общественном служении, разоблачал мысли «чисто немецкого происхождения» о «чистом искусстве».

Много невольных сопоставлений приходит сегодня, когда перечитываешь вечно живые страницы последнего обзора русской литературы, написанного умирающим Белинским. Он создан сто лет тому назад. Но как свежо и сильно звучит в нем каждая строка, как много в нем такого, чему можно и нужно учиться сегодня!

2. САД ИЛИ ГЕРБАРИЙ?

Недавно на общий стол советского литературоведения легла новая интересная и содержательная книга — сборник «Проблемы социалистического реализма». В нем участвуют видные и авторитетные наши критики и литературоведы. Здесь не место подробно говорить о достоинствах и недостатках помещенных статей. В них много и того и другого. Но есть в них недостаток, ощущающийся особенно ясно.

Книга, посвященная проблемам теории новой социалистической литературы, в сущности, оказалась только **рядом** с литературой (исключение составляет лишь статья А. Фадеева, которая ставит актуальные вопросы сегодняшнего дня). Современные книги используются авторами чаще всего как примеры, иллюстрации к тому, в чем авторы, собственно, и не сомневались раньше.

Б. Яковлев называет свою статью «Ростки коммунизма и советская литература». Он привлек большой и подчас интересный сам по себе материал. Но при этом забыл о современной литературе. И «ростки» у него получились не живые. Его статья — это не сад, а гербарий. В ней нет главного—живого дыхания жизни и литературы.

Дело не только в том, что автор прошел мимо литературы сегодняшнего дня. Хуже, что он вообще отказывается от конкретного литературного анализа. Вместо этого, он либо ограничивается упоминанием произведения, либо извлекает из него одну, правда, порою выразительную цитату.

В сущности, так же поступает и В. Кирпотин. Вот, например, как он пишет о положительных образах советской литературы:

«Тут и Чапаев, и Клычков, и Виринея, и Левинсон, и Телегин, и Корчагин, и Жаркин, и Давыдов, и Басов, и герои «Молодой гвардии», и многие другие».

Надо ли напоминать уважаемому автору, что Белинский и его великие последователи—Чернышевский и Добролюбов никогда не валили в одну кучу все образы, но тщательно и глубоко анализировали их, сравнивали между собою, сопоставляли с реальной жизнью.

О нашей литературе авторы сборника часто говорят «в общем и целом», проходя мимо тех изменений, тех новых тенденций, которые наметились в литературе военных и послевоенных лет.

Белинский не считал возможным говорить об особенностях русского критического реализма 40-х годов, о сущности натуральной школы, минуя анализ произведений Гоголя, Тургенева, Герцена, Григоровича, Достоевского. Почему же иные теоретики наших дней думают, что можно говорить о сущности социалистического реализма, обходясь без анализа живой современной литературы?

3. ПРОТИВ БЕЗРОДНЫХ КОСМОПОЛИТОВ

Белинскому всегда были жалки и неприятны абстрактные человеки, беспачпортные бродяги в человечестве. «Космополит», — писал он, — есть какое-то ложное, бессмысленное, странное и непонятное явление, какой-то бледный, туманный призрак, существо безнравственное, бездушное, недостойное называться священным именем человека».

Эти слова уместно вспомнить сегодня.

До сих пор еще не перевелись у нас «абстрактные человеки», которые то прямо, то скрыто, то цинично, то стыдливо отрицают роль и значение национальных традиций, национального своеобразия нашей советской культуры.

Во втором номере «Нового мира» за этот год напечатаны «Заметки о прозе 1947 года» Льва Субоцкого. Это тоже своего рода «взгляд на русскую литературу». Но какой абстрактный, холодный, мертвый взгляд!

Л. Субоцкий рассуждает о литературе истекшего года, ставит вопрос о том, как раскрыта главная тема современности — тема советского патриотизма. При этом он начисто лишает советский патриотизм каких бы то ни было национальных традиций. Критик вообще отрицает какое бы то ни было значение патриотизма в истории нашего народа. По его мнению, в прошлом преобладал лишь квасной патриотизм.

«Патриотизм широких масс, — пишет критик, — в прошлом был скован в своей активности угнетательской политикой и практикой эксплуататорских классов России. «Хозяева жизни» стремились привить народу свой реакционный «квасной патриотизм», отлично уживавшийся с раболепием перед более развитыми в капиталистическом отношении государствами Европы, с политикой экономического подчинения им, с культивированием рабского сознания неполноценности и духовной зависимости от буржуазного Запада. Лишь в отдельные исторические моменты (например, в годы войны с Наполеоном) народный патриотизм был в состоянии найти свое прямое, действенное выражение...

Наша классическая литература создала немало образов людей, горячо любивших родину, но не способных ни к какому конкретному делу во имя этой любви, слабовольных, прекраснодушно-бездейственных, снедаемых интеллигентской рефлексией».

«Стало традиционным пристрастие многих литераторов, — читаем мы далее,—к наиболее простому, но не самому верному и глубокому способу решения задачи,—к тому, что я назвал бы национальным орнаментом. Считается, что если во внешности, языке, в деталях характера положительного героя будут выражены черты принадлежности к той или иной национальности, этого будет достаточно для раскрытия одной из наиболее органических и важных сторон нашей действительности».

Такова, так сказать, общая «концепция» Л. Субоцкого, полностью предопределяющая все его идейно-художественные симпатии и вкусы. Таков его основной критерий, мерка, с которой он подходит к произведениям нашей литературы. Нетрудно увидеть, что мерка эта является совершенно негодной.

Если верить Л. Субоцкому, то «патриотизм широких народных масс в прошлом» всегда был скованным, неделятельным, отравленным «квасными» идеями и вообще не шел дальше отдельных вспышек. И это говорится о народе, который, по словам Ленина, доказал миру, что он способен дать человечеству великие образцы борьбы за свободу, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий.

Разве непрерывная героическая борьба с чужеземными захватчиками за честь и независимость родины не проходит сквозь всю историю нашего народа? Разве в могучих освободительных, революционных устремлениях не проявлялся патриотизм народных масс? Разве в деятельности Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Щедрина и других русских писателей не сказалась огромная сила народного патриотизма?

Наш советский патриотизм основан на глубокой преданности и верности народа своей социалистической Родине, осуществившей вековые народные чаяния и устремления. В этом коренное, принципиальное отличие советского, социалистического патриотизма, являющегося патриотизмом нового, неизмеримо более высокого типа.

Советский патриотизм органически включает в себя лучшие, передовые, освободительные патриотические традиции прошлого. Советские люди никогда не были «Иванами, не помнящими родства». Дух бездушного, опустошенного космополитизма всегда был им решительно чужд и враждебен. Нигилистически зачеркнув революционно-патриотические традиции русского народа, автор не увидел и того, как глубоко и ярко отразились эти замечательные традиции в русской художественной литературе. Ее герои — это, видите ли, сплошь «слабовольные, прекраснодушно-бездейственные, снедаемые интеллигентской рефлексией» люди. Что это такое, как не поклеп на нашу русскую литературу, русских писателей, в которых, по словам Белинского, народ видел своих единственных вождей, защитников и спасителей от русского самодержавия, православия и «народности»!

Теми же глазами космополита смотрит Л. Субоцкий и на нашу современную литературу. Он пренебрежительно относится ко всему **национальному** в советском искусстве. По его мнению, изображение советского человека в его национальном своеобразии — это беда нашей литературы, проявление ее ограниченности и бедности. Национальной самобытности, которую он презрительно именует «национальным орнаментом», Л. Субоцкий **противопоставляет** идею «государственного единства». Он разделывается с современными писателями за «пристрастие» к изображению «черт принадлежности к той или иной национальности». По его мнению, **национальное и социалистическое** — взаимно исключающие друг друга понятия. Но разве не ясно, что эта космополитическая идейка не имеет ничего общего с марксизмом.

Ленин не раз указывал, что интернациональная культура не безнациональна, что мы стоим за такую интернациональную культуру, в которую от каждой национальной культуры входит ее передовое, демократическое, социалистическое содержание.

«В советском патриотизме, — говорит И. В. Сталин,—гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза».

Социалистическая по содержанию, национальная по форме, — так определил вождь советских народов сущность и характер советской культуры.

Откуда же вдруг у советского критика Л. Субоцкого такой презрительный тон по отношению к национальным традициям и национальному характеру, к национальной самобытности нашей советской культуры?

«Интернационализм в искусстве, — говорил А. А. Жданов на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б), — рождается не на основе умаления и обеднения национального искусства. Наоборот, интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину — означает потерять руководящую линию, потерять свое лицо, стать безродными космополитами».

Таким потерявшим свое лицо, безродным космополитом и выступает Л. Субоцкий в своем «взгляде на русскую литературу 1947 года».

Можно ли удивляться, что, исходя из порочных абстрактно-космополитических предпосылок, Л. Субоцкий не увидел, да и не мог увидеть живые, реальные и конкретные черты современного литературного процесса!

О каждом новом произведении он говорит одними и теми же общими, безличными, заранее известными словами.

В «Кавалере Золотой Звезды», пишет он, «интересно и ярко решена задача показа творческой активности, как органической черты характера передовых советских людей». Но раскрыть хоть как-нибудь эти слова Субоцкий не желает. Упрекнув мимоходом С. Бабаевского в том, что «писатель не смог изобразить все богатство и разнообразие форм творческой инициативы колхозников», он сразу же спешит оговориться:

«Но в нашу задачу не входит рассмотрение достоинств и недостатков этого романа, получившего уже давно признание читателя и критики. Мы хотим лишь отметить, что, живописуя характер своего героя, С. Бабаевский выразительно отметил в нем черты постоянной творческой активности, стимулируемой реалистической мечтой о будущем».

На этом анализ «Кавалера Золотой Звезды» закончен, хотя, как видим, он и не начинался.

Нет, не подвинут вперед изучение нашей советской литературы холодные, мертвые «взгляды» новоявленных космополитов!

***

Наша критика и литературоведение владеют могучим орудием, которого еще не было и не могло быть у Белинского, — марксистско-ленинским учением.

Советская литература, самая свободная и идейная литература мира, живет сегодня большой, напряженной жизнью.

Наш верный, испытанный друг и боевой союзник Белинский помогает нам сегодня бороться с теми, кто уходит из живого, бушующего мира современности в темный, призрачный мир пустых абстракций и мертвых космополитических идеек.

Банкротство американской политики в Греции

Все усилия реакционных кругов США способствовать подавлению национально-освободительного движения греческого народа попрежнему терпят неудачу. Американская денежная помощь афинскому правительству достигла уже круглой суммы в 800 миллионов долларов, но, тем не менее, монархо-фашистам не удалось добиться сколько-нибудь значительных успехов в борьбе против Демократической армии. Войска генерала Маркоса продолжают контролировать сейчас обширную территорию. Некоторые районы страны находятся под полным контролем демократических сил, другие контролируются ими частично, иными словами, демократы могут появляться здесь в любом пункте и в любое время.

Последнее время пропаганда монархо-фашистов на все лады трубила, что весной с Демократической армией «будет покончено» (в который раз!). Планы весеннего наступления разрабатывались под непосредственным руководством главы военной миссии США в Афинах генерала Ван-Флита. Американским офицерам, прикомандированным ко всем монархо-фашистским частям, предстояло следить за неуклонным осуществлением совместной программы.

Первоначально греческие реакционеры предполагали развернуть наступление в Средней Греции с тем, чтобы вытеснить войска Демократической армии из области Северного Пинда, горных цепей Ита и Западного Эпира, а затем нанести удар по их частям, сражающимся в районе горы Олимп.

Смелые действия демократов сорвали эти планы. В Эпире войска генерала Маркоса, опираясь на хребет Мургана, предприняли контрнаступление. В Македонии они нанесли противнику ряд коротких, но сильных ударов и парализовали его наступательные операции.

Неудачи в Эпире и Македонии заставили монархо-фашистов изменить первоначальные военные планы. 15 апреля в Афинах было официально об'явлено о новом, «генеральном» наступлении частей первого корпуса королевской армии против демократических войск, расположенных в треугольнике Ита—Вардусия—Гиона. С этой целью монархо-фашисты сконцентрировали в этом секторе 35.000 солдат, самолеты и военные корабли.

И снова победных реляций не последовало...

Умело маневрируя, демократы избегали крупных боев с численно превосходящими силами противника, наносили удары по его слабым местам, причиняя ему тяжелые потери, изматывали в небольших сражениях.

Части Демократической армии разбили монархо-фашистов в Эвритании, в секторах Аграфа и Дзумерка и соединились со своими войсками, находящимися в Фессалии. В то же время в главном районе операций—треугольнике Ита—Вардусия—Гиона—демократы оставили сравнительно небольшие силы. Прекрасно используя особенности трудно доступной местности, войска генерала Маркоса прочно удерживали фронт и отразили все попытки врага выбить их из этого района.

Бои в Центральной Греции наглядно продемонстрировали тот факт, что монархо-фашистские войска не в состоянии добиться сколько-нибудь заметных успехов в борьбе против армии Свободной Греции, армии греческого народа. Ход военных действий свидетельствует о растущей силе Демократической армии. Сорвав наступление врага в Центральной Греции, демократы сумели во второй половине мая активизировать свои операции в Эпире и на Пелопоннесе и нанесли монархо-фашистам очередное поражение.

Греческие реакционные круги отлично понимают зыбкость своего положения и уповают на дальнейшее усиление американской «помощи». Как известно, США намерены передать афинскому правительству дополнительно еще 300 миллионов долларов. Однако монархо-фашисты требуют усиления и американского военного вмешательства. Вопрос об отправке в Грецию американских войск уже обсуждается в печати. Американский журнал «Юнайтед стейтс ньюс» недавно писал, что для этой цели подготовлено специальное боевое соединение американских войск численностью до 25.000 человек.

Предательская политика афинского правительства, торгующего суверенитетом своей страны, вызывает все возрастающее сопротивление греческого народа. Пытаясь подавить народное движение, монархо-фашисты прибегают к небывалому, даже в условиях Греции, террору. Монархо-фашисты убили более 10.000 греческих граждан. Около 70.000 патриотов находится в тюрьмах, концлагерях, подвалах полиции. Как уже сообщалось в нашей печати, массовые убийства греческих демократов находят поощрение со стороны миссии США в Греции, а также оправдываются британскими официальными представителями.

Однако успехи Демократической армии неопровержимо свидетельствуют о банкротстве американской политики в Греции.

О. ПРУДКОВ

Акад. А. ВЫШИНСКИЙ

Смелее двигать вперед правовую науку

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 3 СТР.

ния теории советского государства так, как было указано выше.

Основоположники марксизма-ленинизма создали учение о пролетарской революции и социалистическом государстве, о победе социализма в одной стране и об условиях перехода от социализма к коммунизму. Все эти великие проблемы требуют дальнейшей разработки на основе опыта существования нашего единственного в мире социалистического государства. «Пора смелей двигать вперед... теорию советского государства»,—призывал на философской дискуссии тов. А. А. Жданов.

Этот призыв относится к представителям всех областей юридической науки. Выполнить его можно, лишь окончательно преодолев пережитки буржуазного мировоззрения. Благотворная роль здесь принадлежит большевистской критике и самокритике. Не в тиши кабинетов, не уходя от жизни, а в борьбе с идеологическими противниками, преодолевая все препятствия, стоящие на пути к осуществлению коммунистических принципов, нужно решать эту задачу.

Советское право занимает передовые позиции в борьбе с идеологами буржуазного мира. Недаром в выступлениях буржуазных юристов — ученых и практиков — усиливаются атаки против советского права. Недавно (в конце 1947 г.) в английской газете «Таймс» появилась статья: «Законы наций. Столкновение с советскими принципами. Вызов установленному порядку». В ней противопоставляется право так называемых «цивилизованных государств» советскому праву.

«Таймс» демагогически заявляет, что для западного юриста, мол, основой права является величайшая беспристрастность, безраздельность в применении правовых норм. «Не таков советский юрист,—развязно продолжает газета,—для него право, выражающее, как он полагает, волю правящего класса, существует для целей сохранения, усиления и развития таких общественных отношений и порядков, которые выгодны и желательны правящему классу».

«Таймс» недоволен советским правом, он порицает его, поскольку в нем выражаются «взгляды на право, как на инструмент, служащий интересам только одного класса в государстве». Но нам хорошо известно, что скрывается за демагогическими фразами о надклассовости буржуазного права!

Понятно, почему не нравится наше определение права буржуазным юристам. Но совершенно законное недоумение вызывает то, что с этим определением не согласны некоторые советские юристы, например, тов. Стальгевич, который на происходившем недавно совещании квалифицировал это определение, данное в свое время Институтом права и первым Всесоюзным совещанием юристов (1938 г.), как нормативизм. Повидимому, он не представляет себе достаточно ясно, что такое в действительности нормативизм.

Советское определение права, как творческого начала в борьбе за новый социалистический строй, идеологически вооружает борцов за коммунизм и не имеет ничего общего с нормативизмом (в буржуазном понимании), если не считать, что одно упоминание о нормах делает это определение нормативным. Но такая вульгаризация была бы непростительна.

В этой связи я хотел бы указать на недостаток обоих упоминавшихся мною учебников, авторы которых критикуют нормативизм, упуская из виду то, что делается сейчас в науке права и в юридической практике зарубежных стран. Они ограничиваются тем, что повторяют давно известные вещи о природе юридического нормативизма, являющегося одной из форм неокантианства, но обходят новейшие работы нормативистов, такие, например, как «Чистая теория права и аналитическая юриспруденция» Кельзена (опубликованная в «Гарвард Лоу Ревью» в 1941 г.). Между тем, эта работа весьма интересна с точки зрения характеристики современного нормативизма. Она бросает свет на все современное направление буржуазного права и науки права. Господствующее направление в лагере англо-американских юристов, которые целиком выполняют заказ своих хозяев, характеризуется сейчас попытками прикрыть трескучими фразами о «прогрессивном развитии права», о справедливости, равенстве и т. д. грубейшие нарушения демократических прав и гражданских свобод. Со страниц новейших теоретических работ буржуазных юристов несутся призывы юридически обосновать вопиющие нарушения права — особенно международного. Международному праву пытаются придать казуистический характер для того, чтобы иметь возможность при помощи всяких ухищрений освободиться от выполнения международных договоров и соглашений, не удобных заправилам капиталистического мира. В качестве примера можно было бы привести историю с обращением Генеральной Ассамблеи ООН в Международный суд за истолкованием статьи 4-й устава Организации Об'единенных наций. Вся эта история была затеяна группой государств, стремящихся использовать свое большинство в Международном суде для того, чтобы обеспечить прием в Организацию Об'единенных наций одних государств (Ирландии, Португалии) и чем-нибудь оправдать отказ в приеме других государств (Болгарии, Румынии и др.).

Не случайно нормативисты всячески стараются проблему урегулирования разногласий в международной сфере свести к проблеме истолкования юридических норм. Не случайно они стремятся при помощи всяких манипуляций формально-юридического характера навязать не согласным с ними делегациям в Организации Об'единенных наций свои решения, выгодные большинству, которое не считается с национальными интересами государств, не входящих в их блок.

Перед лицом таких фактов советские юристы-теоретики должны удесятерить свои усилия, энергично и глубоко разрабатывать важнейшие проблемы науки права и международного права особенно. Двигать нашу науку права вперед, двигать смелее, настойчивее, решительнее!

У нас есть руководящие указания партии о задачах в области юридического образования и юридической науки. Мы имеем могучее методологическое оружие—учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Мы работаем и боремся под руководством великой партии Ленина — Сталина, под руководством нашего гениального учителя и вождя товарища Сталина. Мы полны сил и уверенности в успехе нашей работы. Мы должны решить и мы решим стоящие перед нами задачи на благо нашему народу, нашей социалистической Родине.

В Союзе советских писателей СССР

В помощь молодым писателям

Совещание об издании литературы в помощь молодым и начинающим писателям состоялось в комиссии ССП по работе с молодыми авторами.

В прошлом печатались книги, предназначенные для начинающих прозаиков, поэтов, драматургов. К сожалению, большинство из них не представляет сейчас интереса, да и эти книги стали редкостью. Лучшие из них—серия брошюр, выпущенная Профиздатом под общим названием «Мой творческий опыт—рабочему автору», где приняли участие крупные советские писатели. Выходил когда-то и журнал «Литературная учеба».

По единодушному мнению участников заседания, сегодня необходимо издать библиотечку в помощь начинающим писателям. Совещание наметило разделы библиотечки: классики марксизма-ленинизма о литературе; классики русской критики о литературном творчестве; книжки ведущих советских писателей о своем творческом опыте; популярные исследования критиков и литературоведов о работе классиков русской литературы; книги по теории литературы.

Молодые драматурги

Закончился семинар-конференция молодых драматургов. Открывая заключительное заседание семинара, А. Крон сказал, что разные по опыту, мастерству, возрасту участники конференции имеют общие качества: наблюдательность, ощущение жизни и театра, без которых немыслим настоящий драматург. Однако это не означает, что пьесы молодых авторов вполне годны для постановки в театрах. Только некоторые из них после серьезной работы над текстом смогут войти в репертуар.

А. Крон говорил о трудностях, испытываемых молодыми драматургами, живущими в областях, краях и республиках Союза. Зачастую драматурги работают в полном отрыве от театров, не получая творческой консультации. Местные театральные управления не поддерживают своих драматургов, местные театры бездумно дублируют репертуар центральных театров. Отсюда возникают парадоксальные случаи, когда пьеса, написанная областным драматургом, ставится сначала в Москве, а затем уже на родине автора.

Заместитель генерального секретаря ССП К. Симонов посвятил свое выступление сегодняшним проблемам драматургии.

Итоги работы семинара подвел Л. Малюгин. Он отметил плодотворную деятельность групп, творческую обстановку, в которой проходили обсуждения и дискуссии. Но невнимание театров и театральных деятелей к драматургам сказалось даже на конференции — встречи с двумя из трех режиссеров московских театров, приглашенных к молодым драматургам, не состоялись.

На заседании выступили участники семинара. Они выразили удовлетворение хорошим начинанием Союза советских писателей и Комитета по делам искусств РСФСР, организовавших семинар.

Начальник театрального управления Комитета по делам искусств СССР В. Пименов заверил конференцию в том, что Комитет устранит недостатки в деятельности местных театральных управлений и поможет молодым драматургам в их творческой работе.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Благодарю сердечно все учреждения, всех моих товарищей, друзей и знакомых, приславших мне в день моего семидесятипятилетия свои поздравления.

Ольга ФОРШ.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники и отдел писем — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—01749.